

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ
ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 1 2023

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, канд. культурологии, доц., заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, д-р культурологии, доц., канд. социол. наук (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – д-р социол. наук, проф. (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – д-р культурологии, проф., ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – д-р лингвокультурологии, проф. (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – д-р ист. наук, канд. культурологии, доц., проректор Алтайского государственного института культуры, Президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая», член Императорского православного Палестинского общества (Барнаул, Россия);

Видеркер В. В. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – канд. филос. наук, доц. (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доц., заведующий кафедрой вторых иностранных языков, Институт иностранных языков Биньчжоуского университета (Биньчжоу, Китай)

Editorial Board

E. E. Tikhomirova – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology (Novosibirsk, Russia);

T. V. Chaplya – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

O. A. Donskikh – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Yu. P. Ivonin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

O. T. Loiko – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

G. B. Parshukova – Doctor of Culturology, Professor, Leading Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS (Novosibirsk, Russia);

P. E. Podalko – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

E. A. Polyakova – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, vice-rector of the Altai State Institute of Culture, President of the UNESCO Club «Cultural Heritage of Altai», member of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Barnaul, Russia);

V. V. Viderker – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

S. P. Storozheva – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

A. V. Kharlamov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of Binzhou University (Binzhou, China)

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Подалко П. Э. Специфика национального менталитета (на примере России и Японии).....	6
---	---

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бородовский А. П. Элитарные гребни в контексте культурной коммуникации.....	15
---	----

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Грушицкая М. А. Токийская школа изящных искусств – межкультурный диалог в образовательном процессе эпохи Мэйдзи.....	32
--	----

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Шелегина О. Н. «Снежный барс» И. Н. Мешков о развитии альпинизма в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг.....	40
--	----

РАЗДЕЛ V. ДИСКУССИИ

Попков Ю. В., Анжиганова Л. В., Бегалинова К. К., Кефели И. Ф., Овчинников А. А., Пфаненштиль И. А., Сегал А. П., Филиппов С. И., Черных С. И., Шумков А. А., Изгарская А. А., Доржу З. Ю., Цоожуу Х. Концептуальные основы и результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы: в горизонте реализации советской модели евразийской интеграции.....	49
--	----

Журнал основан в 2009 г.
Корректор О. А. Разумова
Электронная верстка А. Л. Заковряшин
Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилюйская, 28, к. 319, т. (383) 244-19-92
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 7,6. Уч.-изд. л. 6,7
Тираж 500 экз. Заказ № 138.
Формат 70×108/16. Цена свободная
Дата выхода в свет 11.12.2023
Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

PART I. THEORY OF CULTURE

- Podalko P. E.** The specifics of the national mentality (the comparative view on Russia and Japan) 6

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

- Borodovsky A. P.** Elite crests in the context of cultural communication.....15

PART III. CULTURAL HISTORY

- Grushitskaya M. A.** Tokyo School of Fine Arts – intercultural dialogue in the educational process of the Meiji era.....32

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Shelegina O. N.** "Snow Leopard" I. N. Meshkov on the development of mountaineering in Novosibirsk Akademgorodok in 1960–198040

PART V. DISCUSSIONS

- Popkov Yu. V., Anzhiganova L. V., Begalinova K. K., Kefeli I. F., Ovchinnikov A.A., Pfanenshtil I. A., Segal A. P., Filippov S. I., Chernykh S. I., Shumkov A. A., Izgarskaya A. A., Dorzhu Z. Y., Tsoohuu H.** Conceptual foundations and research results of the Novosibirsk scientific ethnosociological school: in the horizon of implementation of the Soviet model of Eurasian integration49

The journal is based in 2009
Corrector O. A. Razumova
Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, r. 319, т. (383) 244-19-92
Editors publisher and printing house:
630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
т. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 7,6. Publisher's sheets: 6,7.
Circulation 500 issues
Order № 138.
Format 70×108/16
Release date 1112.2023

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Журнал «Культурно-исторические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает как открытая и независимая трибуна для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманитаристики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашими партнёрами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержанию и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных научно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-исторические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. THEORY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1
Cultural and anthropological research. 2023. № 1

Научная статья

УДК 008[520+(470+571)]

Специфика национального менталитета (на примере России и Японии)

Подалко Пётр Эдуардович¹

¹Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония

Аннотация. В данной статье ставится цель рассмотреть специфику формирования национального менталитета японцев, с одной стороны, и русских – с другой, понимая под менталитетом причинно-следственную совокупность культурных и поведенческих особенностей, ценностных установок и ориентаций, вызванных конкретными объективными причинами, и закрепленными в сознании того или иного народа (этноса).

Ключевые слова: менталитет; природные условия; язык; миграция; доверие

Для цитирования: Подалко П. Э. Специфика национального менталитета (на примере России и Японии) // Культурно-антропологические исследования. – 2023. – № 1. – С. 6–14.

Scientific article

The Specifics of the National Mentality (the Comparative View on Russia and Japan)

Petr E. Podalko¹

¹Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan

Abstract. This article aims to consider the features of the formation of the national mentality of the Japanese, on the one hand, and Russians – on the other; here “mentality” means a causal set of cultural and behavioral characteristics, value attitudes and orientations caused by specific objective reasons and fixed in the minds of a certain people, or ethnos.

Keywords: mentality; natural conditions; language; migration; trust

For citation: Podalko P. E. The specifics of the national mentality (the comparative view on Russia and Japan). *Cultural and anthropological research*, 2023, no. 1, pp. 6–14.

Введение. Россия была первой страной в Европе и второй в мире (после США), которая смогла установить с Японией официальные дипломатические отношения (Симодский трактат, 1855 г.), будучи при этом ближайшей среди великих держав соседкой Японии на Дальнем Востоке. Казалось бы, все это давало России определенную фору в развитии двусторонних контактов, расширении своего влияния, и в итоге – формировании своего положительного имиджа среди японского населения, однако этого, как мы знаем, не произо-

шло, и в настоящее время, как и сто, и более лет назад, Россия остается, по мнению большинства японцев, «близкой далекой страной» – географически близкой в буквальном отношении, но вместе с тем далекой во всех иных смыслах. Причин для этого было много самых разных, прежде всего – политических, экономических, а также идеологических; последние были особенно актуальны в период 1917–1991 гг. Ниже делается попытка рассмотреть особенности формирования национального менталитета японцев с акцентом на влияние как объективных, так и субъективных факторов, включая такие, как: природные условия, миграционные процессы, особенности развития языка, культура поведения в социуме, воспитание чувства национальной принадлежности индивида к своей группе и др.

1. Природно-климатические условия.

Природная среда, характеризующаяся стабильной повторяемостью всех сезонов и сопутствующих им изменений, делает этот фактор наиболее объективным условием формирования национального менталитета японцев.

Один из самых популярных вопросов, который японцы любят задавать иностранцам, буквально звучит так: «Есть ли в вашей стране все четыре времени года?». На первый взгляд, это выглядит странно – но у данной странности есть свое объяснение. Дело в том, что для японских островов характерны четкие и хорошо заметные человеку перемены в природе на протяжении всего года – недаром старый японский календарь насчитывал куда более дробное деление года на отдельные периоды, чем привычные для нас зима – весна – лето – осень. Практически весь год в разных уголках Японии что-то расцветает, что-то опадает, что-то вызревает, и эти визуальные перемены фиксировались в памяти людей, впоследствии отразившись не только в разбивке сельскохозяйственного цикла, но также в фольклоре и литературе. При этом сами японцы знают, что такое разнообразие природных перемен в мире встречается далеко не везде – отсюда и вопрос, дескать, ну хоть обязательных четыре сезона-то имеется в вашей загранице? Когда же русский турист пытается объяснить в ответ, что – да, конечно, они есть, но вот только не совсем равномерные по своей длительности, а зачастую – не очень различимые на вид – в этом месте нередко приводят в качестве примера весеннюю и осеннюю распутицу, дожди и заморозки – то японец попросту не может понять, шутит ли его собеседник, или же говорит серьезно.

Говоря о природной среде Японии, следует назвать несколько важных моментов, ставших во многом определителями национального менталитета.

Япония расположена на островах с высокой степенью вулканической активности (в среднем один раз в 2–3 дня в разных частях страны происходят землетрясения разной силы). Несмотря на кажущуюся мягкость здешнего климата – более всего россиянину бросается в глаза отсутствие сильных морозов зимой – японская природа ставит перед человеком куда больше проблем, чем может показаться неискушенному иностранцу. Трудно поверить, но в ряде здешних мест снега зимой выпадает куда больше, чем в среднем по России; при этом часто дуют сильные ветры, а два раза в год страну накрывает период дождей, сопровождаемых тайфунами (сильный ветер и дождь в сочетании со значительными перепадами атмосферного давления), что вызывает регулярные оползни почв, разливы рек и ведет к постоянному разрушению инфраструктуры. Бороться с этим невозможно, никакие идеи о том, что человек – «венец природы»,

а тем более – ее покоритель, прийти в голову японцу никогда не могли: слишком очевидна бессмысленность подобных идей перед лицом природной стихии. Жизнь в таких условиях закономерно приводит человека к покорности тем силам, что очевидно лежат вне пределов его власти и возможностей, вынуждая его не только уметь выбирать себе задачи по силам, но и учит всегда быть готовым к тому, что, возможно, придется все начинать с нуля – и все это делать всегда вместе с другими людьми, родственниками или соседями, потому что в одиночку невозможно построить дамбу, восстановить разрушенный дом или город, возделывать рисовое поле. Кстати, рисоводство, с давних времен ставшее, благодаря природным возможностям, основным занятием японских аграриев, также весьма способствовало выработке коллективного сознания, и понимания объективного значения коллектива для выживания индивида. Коротко говоря, во все времена здесь одному человеку противопоставить природе и миру в глобальном масштабе было нечего – а значит, незачем и пытаться это делать; имеющиеся же силы и способности можно и нужно концентрировать на решении частных задач, внося по возможности свой индивидуальный вклад в любое общее дело. Именно природа стала первым и главным фактором формирования ставшего широко известным в наши дни фатализма японцев, их готовности покоряться судьбе, не делая попыток ее сколько-нибудь радикально изменить.

Ситуация в России была и остается принципиально иной: не случайно, именно в русской литературе некогда прозвучали знаменитые слова о том, что «Природа – не храм, а мастерская», и вся российская история буквально пронизана примерами того, как человек вторгается в природу и меняет окружающие его ландшафты сообразно как объективным потребностям, так и своим субъективным желаниям и замыслам. Исключая долгую зиму, русская природа лишена чрезмерных крайностей, и при желании вполне преобразуема, причем почти всегда это достигалось индивидуальным усилием. Чтобы возделывать в России крестьянский надел, вполне достаточно усилий одной семьи, а в перспективе – и одного тракториста, тогда как рисовое поле и в двадцать первом веке обрабатывается вручную, как это делалось тысячу и более лет назад. Разумеется, на постройке гидростанции или завода и здесь будут заняты огромные массы людей – но это будет разовое усилие, так как, будучи однажды построен, он станет отныне работать долгие десятилетия, и никакие природные катаклизмы ему не страшны, а работники разойдутся по новым местам, не испытывая никакой особенной тяги к сохранению коллектива.

Характерно то, что и в средневековой Японии, и в России существовали сельские общины, но восприятие этого явления было различным – по объективным причинам. Если в России государство в фискальных целях постоянно стремилось объединить людей своей властью, и, как правило, помимо их воли, делая выход из коллектива практически невозможным вплоть до недавнего времени (старую общину сменила система колхозов), буквально навязывая им общественное сознание, то в рисоводческой Японии индивидуальное крестьянское существование было априори невозможно по объективным причинам (см. выше), что делало выход из коллектива и бессмысленным, и опасным. Русский мужик был зачастую рад бросить старое место и уйти в «новую жизнь» – благо, размеры территории страны и наличие пустых земель на юге и востоке позволяли мечтать об этом достаточно предметно; японец же четко знал, что

страна его невелика, более того – это остров, и бежать со старого места ему элементарно некуда – а значит, нужно принимать все как есть, примиряясь с действительностью, и не мечтая о несбыточном.

2. Внешний фактор – миграции и вторжения соседей.

В конце XIII в. Японии довелось пережить две попытки завоевания ее соседями с материка. Это были монголы, стремившиеся выполнить заветы Чингисхана и покорить Вселенную «до последнего моря». От тех событий в японском языке остались два слова: «гэнко», означающее буквально «разбойники Юань» (Юань – китайское название монгольской династии чингизидов), а также «ка-микадзэ» («Божественный ветер» – так поэтично был назван тайфун, разметавший и потопивший вражеский флот); отсутствие сколько-нибудь значимых литературных или фольклорных произведений на эту тему говорит о том, что заметных следов в памяти народа монгольские набеги не оставили. До следующего появления на японской земле иностранцев с оружием в руках прошло без малого семь столетий – это были американские «джи-ай», временно оккупировавшие страну в течение ряда лет по итогам ее капитуляции во Второй мировой войне. Оккупация протекала весьма мирно, и никаких заметных следов ненависти к недавним врагам японское население не обнаруживало – тем более, что процесс политического сближения Японии и США шел в послевоенные годы весьма активно, и на горизонте уже маячил будущий союз двух держав.

Иначе было в России: многочисленные войны и непрерывные попытки соседей вторгнуться на ее территорию, сопровождаемые стремлением подчинить экономически, лишить политической самостоятельности, заставить сменить религию и т. д., выработали у русского народа восприятие себя словно в окруженной врагами крепости, демонстрируя постоянную готовность к «круговой обороне». Одним из следствий этого стало развитие массового недоверия априори к любому чужестранцу по принципу «как бы чего не вышло» – надо сказать, не без веских к тому оснований.

Непрерывность развития исторического и культурного процесса в условиях географической и политической закрытости страны интенсифицировала процесс формирования однородного японского менталитета, подчеркивая степень его отличия от прочих. Постоянное разбавление российского населения пришельцами извне, вечная необходимость взаимодействовать и как-то ужиться с соседями, нередко вопреки своему желанию, обусловили известную «лоскутность» формирующегося российского менталитета.

3. Что лучше – один народ или много народов?

Поступательно расширяя территорию своего государства, начиная с конца XV в., русские постепенно вбирали в себя все новые и новые этносы, делая их составной частью единого большого государства, но при этом сохраняя все основные черты национального своеобразия этих новых членов «большой семьи», как то: язык, обычаи, традиционные занятия и т. п. Налицо было известное противоречие: одних принимали к себе мирно и сразу, с другими боролись за право лидерства, но и в том, и в другом случае подчинение не сопровождалось обязательной ассимиляцией, что наряду с постоянным увеличением количества малых народов в составе единого государства одновременно снижало удельную численность (а также общий статус) представителей государствообразующей

нации, т. е. русских. Более того, нередко права и статус русских намеренно понижались по сравнению с прочими народами в составе России.

В Японии ситуация была прямо противоположная: вплоть до начала двадцатого столетия это была, по сути, мононация. Наличие здесь, наряду с японцами, также народа айну, относящегося к совершенно иной расовой и языковой группе, на общую картину практически не влияло. Айну и японцы как бы поделили между собой острова архипелага: первые населяли преимущественно остров Хоккайдо и северную часть острова Хонсю, вторые доминировали на остальной территории современной Японии. Условная граница между двумя общинами, пролегающая примерно по широте современного города Сэндай, одновременно совпадала с северной границей зоны средневекового рисосеяния. В дальнейшем японцы шаг за шагом заселили всю территорию Японских островов; при этом айну были ими де-факто ассимилированы. Аналогичным образом были ассимилированы жители южных островов Рюкю (современная префектура Окинава) во второй половине XIX в. После сравнительно недолгого владения островом Тайвань (1896–1945) и Корейским полуостровом (1910–1945) Япония снова вернулась в состояние мононации. Даже сейчас, в первой четверти уже XXI в., неапонское (по официальным документам) население, абсолютное большинство которого составляют потомки корейцев и китайцев в третьем-четвертом поколении, не превышает 2 % от общего числа жителей страны.

Итогом такого развития стало возникновение несколько гипертрофированного чувства «все японцы – одна семья», что значительно отличается от русского восприятия и осознания себя среди других русских. Если японец искренне уверен в том, что нет ничего лучше, чем быть японцем, и только среди японцев он/она себя чувствует полностью защищенно и комфортно, то русскому свойственно периодически задумываться на эту вечную тему: что означает быть русским, и хорошо ли им быть? Эта неуверенность подкрепляется регулярной сменой идеологических парадигм: так, в дореволюционный период правительство проводило определенную русификацию малых народов, что в целом считалось прогрессивным явлением, так как включало в себя элементы просвещения и оздоровления последних – но при этом само понятие «русификация» нередко воспринималось в обществе отрицательно. Более того, русская знать, как и представители правящей элиты, всячески стремились при любой возможности отыскать в себе хотя бы малейшие намеки на иностранное происхождение, и во внутренней иерархии социальных статусов иностранец долгое время ценился выше и дороже русского, причем нередко – в буквальном смысле: жалованье иностранного работника в XVII–XIX вв. существенно превышало аналогичное жалованье русских. После 1917 г. началась политика «советизации» уже всех народов, проживающих в государстве, включая русских; это также воспринималось населением весьма неоднозначно (несмотря на преобладание внешней покорности), поскольку в ходе этого одновременно осуществлялись не только унификация общественных отношений в рамках создания «новой исторической общности – советского народа», но и образование новых наций, которых не существовало прежде (дагестанцы, марийцы, хакасы, молдаване, разделение казахов и киргизов и т. д.). Все это резко контрастирует с национальной политикой в Японии, правительство которой сознательно избегало любых действий, могущих поставить под сомнение самоценность принадлежности

к японскому этносу, а также появление у японцев чувства вины за колониальное прошлое в отношении «малых народов», будь то айну, жители островов Рюкю, или потомки мигрантов из Кореи и Китая.

Чем меньше население той или иной местности подвергается переселению в нее чужаков извне, тем оно однороднее по своему этническому составу, и тем больше оснований говорить о формировании там определенной нации со своим национальным менталитетом; чем больше и чаще происходят миграции на эту территорию извне (как это было в России), тем более лоскутным становится ее население в плане национальном, и это в дальнейшем приводит к формированию не столько национального, сколько регионального, менталитета.

Однородность среды позволяет осуществлять воспроизводство населяющих ее людей по образу и подобию предшествующих поколений, а стабильность сохранения и повторения традиций гарантирует невозможность их изменения, и более того – недопустимость даже самой мысли о каких-либо иных вариантах поведения.

4. Уровень доверия официальным источникам информации.

Основным источником знаний о внешнем мире и внутреннем положении в стране для японца являются официальные медиа. Как показывают статистические опросы населения, ежегодно проводимые крупнейшей по тиражу газетой мира «Ёмиури», свыше 70 % японцев старше 20 лет регулярно читают газеты (в 2022 г. – 76 %). На втором месте среди ответов на вопрос «Где вы получаете необходимую информацию?» стоит центральное телевидение, на третьем – кабельное ТВ. На практике это означает то, что общественное мнение по основным вопросам международной и внутренней повестки формирует тот, кто контролирует центральные медиа. При этом популярная российская поговорка «Доверяй, но проверяй» в Японии не работает: уровень доверия населения к официальной прессе и телевидению исключительно высок, и никакие альтернативные источники знания, будь то интернет или зарубежные «голоса», не в состоянии соперничать с ними.

В России подход совершенно противоположный: традиция сомневаться во всем, что исходит от государства, не только не ослабевает с годами, но, напротив, усиливается; заведомый скептицизм по отношению к центральной прессе и ТВ порой переходит все допустимые пределы. Можно по-разному объяснять истоки этого феномена, но очевидно одно: японская готовность принять на веру все, или почти все, что сообщает человеку государство, совершенно не понимается, и потому не разделяется, российским стремлением видеть в государстве прежде всего силу, ограничивающую и подавляющую индивида. Вероятно, одной из причин такого непонимания является специфический российский опыт периодически повторяющегося обмана населения государством в лице его высших чиновников и отсутствие или недостаточность публичного наказания их за совершенный обман. Недоверие к собственной верховной власти имеет столь глубокие корни в российском обществе, что ему трудно поверить в отсутствие такого недоверия в других странах.

5. Особенности языковой политики.

Для формирования нации и национального менталитета фактор появления национального языка чрезвычайно важен, особенно на Дальнем Востоке, где владение языком, и в особенности умение не только говорить, но и писать, из-

давня рассматривалось как одно из основных отличий культурного человека. Даже само слово «культура», происхождение которого в большинстве европейских языков восходит к латинскому глаголу «colere» со значением «возделывать, обрабатывать», тем самым подчеркивая не наличие конкретного набора духовных изделий и практик, а прежде всего воздействие человека на среду – в Японии записывается китайскими иероглифами, буквально означающими «преобразование при помощи письменных знаков». Если в России определение человека понятием «русский» уже на ранних этапах национальной истории перестало включать в качестве обязательного условия свободное владение им русским языком, то в Японии вплоть до конца двадцатого столетия это являлось едва ли не единственным условием признания человека полностью своим. При этом, что характерно, преподавание японского языка как отдельного предмета в стране длительное время отсутствовало: считалось, что человек овладевает родным языком в течение всей жизни, постоянно расширяя и пополняя свой личный словарь и набор ситуативных выражений, и этому процессу нет и не может быть конца. То есть по факту считалось, что выучить японский язык досконально невозможно не только иностранцу, но и натуральному японцу – ему можно только непрерывно учиться.

6. «Тихий патриотизм».

Вплоть до того, как японское правительство на рубеже XX–XXI вв. провозгласило курс на увеличение приема туристов из-за рубежа, Япония оставалась страной сугубо внутреннего туризма. Подавляющее большинство объектов инфраструктуры было ориентировано на самих японцев, включая отели и предприятия общепита; дорожные указатели были выполнены почти везде только на японском языке. Даже теперь, в условиях постоянно растущей интернационализации туристического бизнеса, японец старается прежде всего посетить все сколько-нибудь значимые культурные объекты у себя в стране, и уже после этого едет за границу. Этой же цели – проникнуться духом родины – подчинены программы обучения в школах; каждый учебный год включает в себя минимум одну поездку (иногда больше) по различным регионам Японии с обязательным посещением старинных памятников, храмов, исторических и культурных объектов. В итоге у японцев к 20 годам формируется целостная картина национального наследия, вырабатывая при этом особый, «тихий» вид патриотизма – того самого чувства национального превосходства не «над кем-то», а «от чего-то» – от осознания того, откуда все начиналось, и как много потребовалось совершить усилий для достижения сегодняшнего уровня жизни.

В России подобное воспитание «чувства родины» происходит в основном через чтение литературных произведений и просмотр кинофильмов с соответствующей тематикой. Разумеется, это также дает определенные результаты, но личное «знание места» при таком подходе, как правило, не возникает. Разумеется, размеры территории России слишком велики, чтобы организовать равный доступ ко всем памятным и интересным местам для жителей всех регионов; однако зачастую люди не проявляют должного интереса к таким местам даже внутри своей области или края.

Приведем один показательный пример. Во всем мире уже много лет сохраняет популярность русский кукольный мини-сериал про забавного героя Чебурашку, созданный на основе детской сказки Э. Н. Успенского, которая была

экранизирована в СССР в первой половине 1970-х гг. В третьей серии рассказы-вается о приключениях героев, отправившихся было в путешествие на южный курорт, но в силу неудачно сложившихся обстоятельств вынужденных провести свой отпуск в подмосковном лесу. Среди встреченных ими там персонажей есть группа туристов-«дикарей», которые разбрасывают мусор по лесу, пытаются глушить рыбу динамитом, и при этом распевают песню о том, как хорошо проводить свой отдых на природе рядом с домом, не тратя время и деньги на дальние странствия. Примечательно, что песню эту поют именно отрицательные герои: в их устах хорошие и правильные слова сопровождают плохие действия, так как «дикари» ведут себя как настоящие дикари. Волей-неволей у зрителя может легко возникнуть мысль о том, что дома хорошего ожидать не приходится; тут куда ни повернись – одни беспорядки, а за хорошим – пожалуйте на юг: в мультфильме – в Ялту, в жизни – в Египет и Турцию...

Важное уточнение: миф о себе как апогее культурного развития требует очевидных примеров в повседневной жизни. Даже если у японца, побывавшего за рубежом, возникают какие-то сомнения в преимуществах японского образа жизни, поведенческих норм и т. д., все они, как правило, улетучиваются сразу после первого посещения им WC в аэропорту прибытия, в ожидании получения им багажа. Японская чистота и аккуратность, предназначенные априори для всех, ведь все мы одинаково японцы, одна большая семья, готовность помочь, уступить соседу место – все это резко диссонирует не только с российской, но и практически любой «западной» моделью поведения в быту. В стране, где постоянно случаются землетрясения и другие природные катаклизмы, несущие массовое разрушение инфраструктуры и жилых домов, практически отсутствует такое печально-знаковое явление, как мародерство. Когда в марте 2011 г. случилось большое землетрясение на северо-востоке страны с последовавшим за ним небывалым по размаху цунами, вызвавшим аварию на АЭС «Фукусима», весь мир наблюдал на экранах телевизоров и в интернете, как владельцы частного автотранспорта старались уступать дорогу не только спасательным службам, но и просто друг другу; никто не устраивал давки, скандалы при распределении гуманитарной помощи, не стремился взять себе больше, чем доставалось другим. Это необычное для человека западной культуры поведение простых людей вызвало ставшую широко известной фразу журналиста британской компании БиБиСи, сказавшего в прямом эфире буквально следующее: «Япония дает миру мастер-класс того, как следует себя вести во время стихийного бедствия».

Заключение. При подведении итогов сам собой напрашивается вопрос: неужели ментальные различия японцев и русских настолько велики, что им не суждено не то, что по-настоящему сблизиться, но даже просто понять друг друга? Не этот ли случай имел в виду британский поэт и писатель Р. Киплинг, когда вывел свою знаменитую формулу о невозможности встречи Запада и Востока? Ответ будет дан двоякий: и да, и нет. Нет – потому что природное любопытство, равно присущее и японцам, и русским, взаимное желание узнать «как там дела у соседа?» постоянно подталкивают их друг к другу. С начала 2000-х гг. именно приток туристов из России в Японию рос наиболее динамично, давая ежегодную прибавку не в единицах, а в десятках процентов; русская литература, балет, изобразительное искусство неизменно занимают самые высокие рейтинги в опросах относительно знания и почитания мировой культуры японцами.

Да – потому, что природный фактор и сложившиеся традиции суть явления, не поддающиеся скорой трансформации, да и нет реальной необходимости в таких трансформациях для народов обеих стран. Стать японцу русским, как и наоборот, невозможно, но можно и нужно стремиться знать больше друг о друге, чтобы правильно понимать причину того или иного поведения соседа и в дальнейшем использовать это понимание не для конфронтации, а только и исключительно для взаимной выгоды. Именно в конечном получении этой выгоды и состоит задача всемерного изучения особенностей менталитета соседнего народа.

Информация об авторе

П. Э. Подалко, доктор философии (PhD) по специальности Linguistic & Culture Studies, профессор, Факультет международной политики, экономики и коммуникации, Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония, ppodalko@aoyamagakuin.jp

Information about the author

Petr E. Podalko, PhD in Linguistic & Culture Studies, Professor, School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin university, Tokyo, Japan, ppodalko@aoyamagakuin.jp

Статья поступила в редакцию 20.05.2023 The article was submitted 20.05.2023

Одобрена после рецензирования 22.06.2023 Approved after reviewing 22.06.2023

Принята к публикации 05.09.2023 Accepted for publication 05.09.2023

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1
Cultural and anthropological research. 2023. № 1

Научная статья
УДК 903.21

Элитарные гребни в контексте культурной коммуникации

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Предметом исследования является изучение элитарных гребней как средства трансляции культурной коммуникации в самых различных сферах. Среди них – этническое взаимодействие и столкновения, торговые связи, социальная иерархия и распространение эпических сюжетов. В качестве образов таких гребней выбраны изделия, которые соответствуют целому ряду признаков – импортное происхождение, престижный материал, ритуальное использование, изобразительная выразительность, связь с письменной традицией. В выборке для исследований были задействованы гребни из бивня, кости, дерева (тополь, самшит) и золота в широком территориальном и хронологическом контексте. Такие пространственные и временные рамки простирались от Британских островов, Ближнего Востока, Северного Причерноморья, северо-запада Восточной Европы и южного Приуралья, а также от эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Показательно, что в данной выборке гребней представлена устойчивая связь древних письменных традиций (ханаанский, древнерусский язык) и ритуальных практик. Не менее значима и сырьевая составляющая исследованных гребней. В частности, для изготовления элитарных предметов использовались наиболее престижные и ценные материалы (слоновый бивень, золото, самшит). Необходимо также отметить, что культурные коммуникации в элитарных гребнях были представлены как непосредственно, так и опосредованно. Примером первой – прямой коммуникации являются изделия, изготовленные иноземными мастерами. Примером второй – опосредованной коммуникации выступают предметы местных производителей, в которых отражались внешние культурные связи. В целом такой комплекс качественных и информативных признаков является основой активного функционирования гребней из различных материалов в коммуникативной сфере, как Древнего Мира, так и Средневековья.

Ключевые слова: элитарные предметы; гребни; Античность; Средневековье; культурное взаимодействие; коммуникация

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Элитарные гребни в контексте культурной коммуникации // Культурно-антропологические исследования. – 2023. – № 1. – С. 15–31.

Scientific article

Elite Crests in the Context of Cultural Communication

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The subject of the research is the study of the elite combs as a realization of cultural communication on a variety of scales. Among them are ethnic interactions and clashes, trade relations, social hierarchy and the spread of epic stories. As samples of such combs, products were selected that correspond to a number of features – imported origin, prestigious material, ritual use, expressiveness, connection with the written tradition. The sample for the research involved tusk, bone, wood (poplar, boxwood) and gold combs in a wide territorial and chronological context. Such spatial and temporal framework extended from the British Isles, the Middle East, the Northern Black Sea Region, the northwest of the Eastern Europe and the southern Urals, as well as from the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages. It is significant that in the presented sample of combs there is a stable connection between the ancient written traditions (Canaanite, Old Russian) and ritual practices. No less significant is the raw material component of the investigated combs. In particular, the most prestigious and valuable materials (elephant tusk, gold, boxwood) were used for the manufacture of the elite items. It should also be noted that cultural communications in the elite combs were presented both directly and indirectly. An example of the first – direct communication are products made by the foreign craftsmen. An example of the second – mediated communication are objects of local manufacturers, which reflected external cultural ties. In general, such a complex of qualitative and informative features is the basis for the active functioning of the combs made of various materials in the communicative sphere, both in the Ancient World and in the Middle Ages.

Keywords: elite objects; combs; antiquity; Middle Ages; cultural interaction; communication

For citation: Borodovskiy A. P. Elite crests in the context of cultural communication. *Cultural and anthropological research*, 2023, no. 1, pp. 15–31.

Введение. В материальной культуре и мифологии есть целый комплекс предметов, которым приписываются особые качества. Эти волшебные предметы следует классифицировать не по группам и функциям, а по общности происхождения, заключенной в исходном материале, причем часто органического происхождения (дерево, кость, рог) [1, с. 192]. При всей определенности своего назначения в обыденной жизни они имеют явные коммуникативные функции в межкультурном взаимодействии.

Сочетание нескольких факторов – активных культурных связей, реальных масштабных исторических событий и магический потенциал определенных предметов – стало основой их активного вовлечения в интеграционные процессы между различными культурными традициями. Не меньшее значение в этом процессе играл еще и производственный фактор. Он мог проявляться как на сырьевом, как и на технологическом уровне, а также в характере территориальной организации самого производства. Рассмотрим все эти факторы по отдельности. Во-первых, импортное сырье для ряда изделий могло становиться самодостаточным при их производстве. Во-вторых, сложность технологии отдельных изделий могла ассоциироваться не только с новыми возможностями

предметов, но и с их явной престижностью. В-третьих, стационарная или мобильная организация производства некоторых изделий становилась основой транскультурных феноменов. Последняя особенность локализации производства могла проявляться как в формировании особых территориальных центров изготовления конкретных предметов, так и в существовании феномена «странствующих мастеров» (рис. 1).

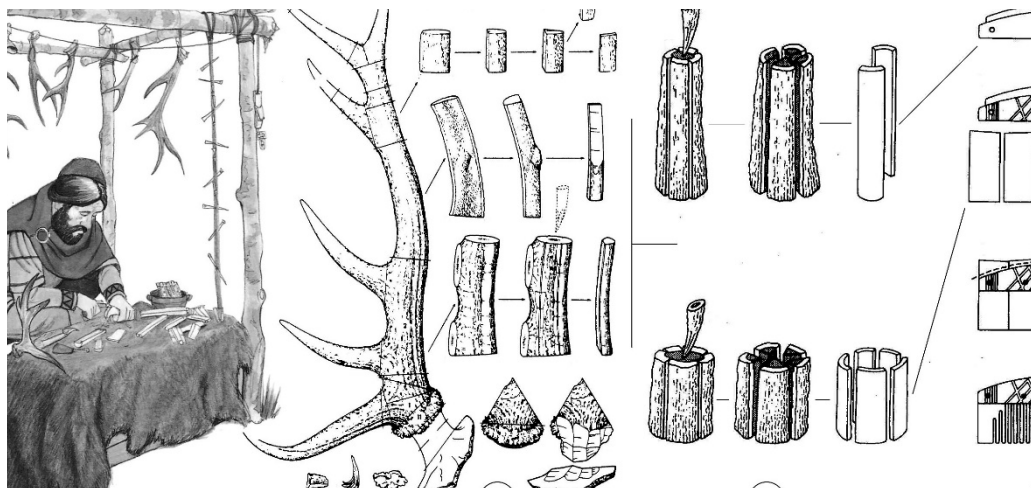

Рис. 1. Странствующий мастер – производитель роговых гребней эпохи средневековья в Западной и Восточной Европе

Все эти признаки в полной мере присущи древним косметическим гребням из органических материалов (дерева ценных пород, рога, особой кости, слоновового бивня), известным на территории Евразии в последние 4 тысячи лет.

Цель исследования. Цель исследования заключается в рассмотрении элитарных гребней эпохи Античности и Средневековья как изделий, отражающих культурные коммуникации в широком содержательном аспекте. В рамках такого подхода проанализированы уникальные гребни от Британских островов, Ближнего Востока, Северного Причерноморья, Южного Приуралья и северо-запада Восточно-Европейской равнины на протяжении нескольких последних тысячелетий.

Материалы и методы. Для исследований была сделана выборка гребней, расположенных как за пределами Евразии (острова Великобритании), так и в различных районах этого континента (север Восточной Европы, Северное Причерноморье, Ближний Восток, южное Приуралье). Такой широкий географический охват наряду с хронологическими рамками (от эпохи бронзы, раннего железа и средневековья) позволяет проследить основную историческую динамику отражения культурных контактов в гребнях. Выбор элитных гребней также не случаен. Во-первых, такие предметы, кроме высокой технологичности, являются эталонами для массовой продукции. Во-вторых, материал для элитарных изделий чаще всего тесно связан с внешними контактами. В-третьем, именно на элитарных предметах в своей максимальной полноте отражается эпическая традиция, часто опирающаяся на реальные исторические факты. Не меньшее значение имеет материаловедческий анализ, который позволяет не только определить сырье предмета, но и установить его «внутреннее» или

«внешнее» происхождение. Такой вывод позволяет уже с большей определенностью оценивать прямое или косвенное влияние определенных культурных традиций и отражение эпических сюжетов, часто основанных на исторической реальности.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из таких гребней является гребень с надписью из слоновой кости эпохи бронзы (1700 г. до н. э.), обнаруженный в Восточном Средиземноморье в г. Лахиш области Ханаан (Израиль) [2]. Размеры предмета составляли 3,5 × 2,5 см (рис. 2).

Рис. 2. Гребень эпохи бронзы из слоновой кости из г. Лахиш (Ближний Восток)

С одной стороны, гребень имел 6 толстых зубьев для расчесывания и распутывания волос. С другой стороны, располагались 14 более мелких зубьев. Они имели уже достаточно частую нарезку, что явно соответствовало косметическому назначению – средству борьбы с педикулезом. В Древнем Египте гребни из слоновой кости с мелкими зубьями известны уже в додинастическую эпоху [3, р. XXIX; 4, р. XX; 5]. Между вторым и третьим зубьями с частой нарезкой гребня из Лахиша был обнаружен остаток хитиновой оболочки головной вши в нимфальной стадии развития, размером 0,5–0,6 мм. С таким функционально-гигиеническим предназначением согласуется надпись из 17 ханаанских букв, нанесенная на одной стороне гребня. Ханаане первыми использовали только знаки для записи именно отдельных звуков, из которых состоят слова (рис. 3).

Надпись на гребне из Лахиша гласит: «Пусть этот зуб (или бивень) выкорчевывает вшей из волос и бороды». Главной задачей резчика при нанесении этой надписи было ее наиболее компактное расположение на изделии. Поэтому в первом ряду резчик нанес буквы с последовательным уменьшением их размеров. Здесь шрифт был расположен справа налево, а затем дойдя до края гребня, резчик повернул изделие на 180 градусов и нанес второй ряд надписи слева направо. Для самой последней буквы места в нем не осталось и поэтому он вырезал ее ниже этой строки. Не менее важно в престижном контексте гребня

из Лахиша и мастерство гравера в успешном выполнении таких крошечных букв (шириной 1–3 мм) на поверхности этого изделия.

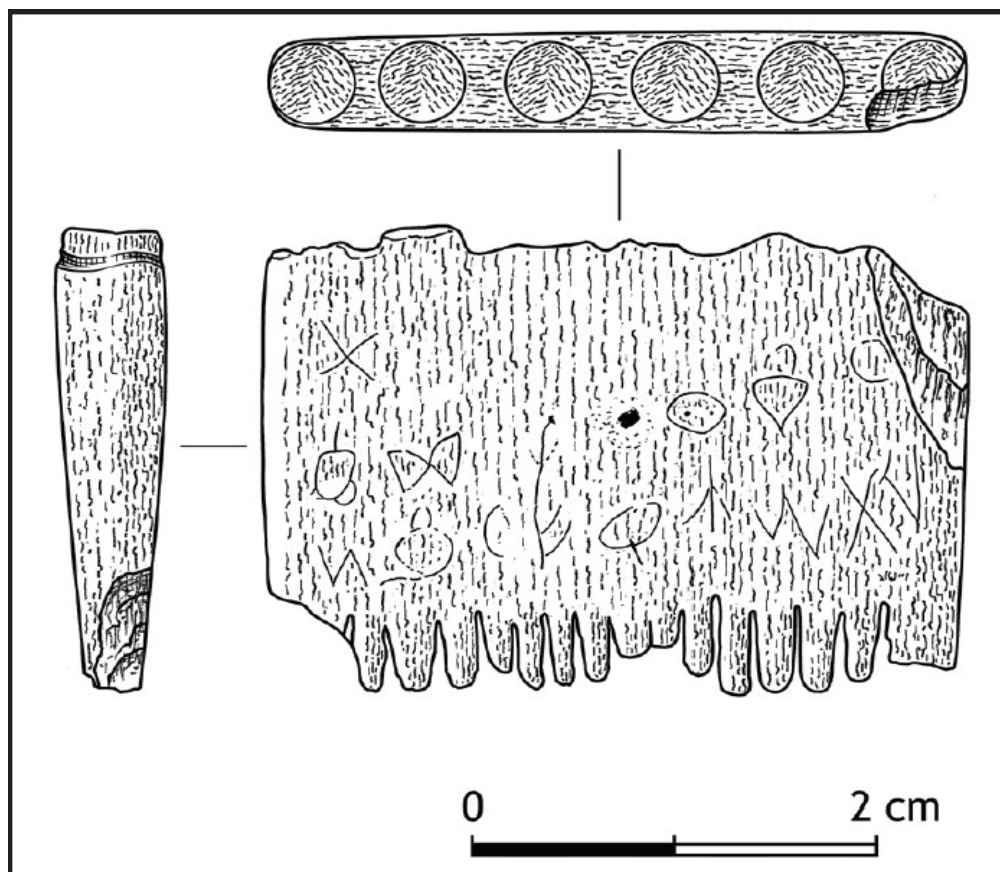

Рис. 3. Прорисовка гребня из г. Лахиша

В свою очередь надпись и тот факт, что гребень из Лахиша был сделан из слоновой кости, могут означать, что это был подарок для кого-то важного лица, а сам гребень был элитным и ценным предметом. Эти качества в полном объеме подчеркиваются эпиграфикой на гребне: язык надписи демонстрирует параллели с другими известными источниками ханаанских диалектов позднего бронзового века, включая, с одной стороны, ханано-аккадский алфавит эль-амарнских букв, а с другой стороны, наиболее архаичные слои библейского иврита [2].

Эта надпись на гребне из Лахиша вместе с надписью на металлическом кинжале из Лахиша из гробницы 1502 [6, р. 254] представляют собой уникальные образцы ханаанской эпиграфики эпохи среднего бронзового века Ближнего Востока. Надпись на гребне из Лахиша, начертанная на ханаанском языке, выражает пожелание, чтобы расческа, на которой она выгравирована, уничтожила вшей из волос и бороды владельца расчески. Таким образом, это можно рассматривать как интимное взаимодействие человека и его косметического приспособления в формате внутренней коммуникации с «миром вещей». Следует обратить особое внимание на упоминание исходного материала для изготовления этого предмета – «клык» (слоновый бивень). Такая

характеристика вполне соотносится с тем, когда волшебные предметы не только родственны волшебным помощникам, но и имеют такое же происхождение [1, с. 192]. В свою очередь, это можно вполне рассматривать в мифоритуальном контексте, в котором волосы всегда играют важную роль. Не менее значимо и то, что в надписи на гребне из Лахиша представлено метонимическое употребление слова «зуб, бивень». Это обозначение материала, из которого изготовлен предмет, вместо самого изделия. Подобная практика известна по более поздним библейским текстам, где словом «железо» нередко называют оружие, а словами «дерево» или «камень» – идолов, являющихся статуями богов [2]. Такая иносказательность вполне может быть связана еще и с ритуальной традицией.

С такой культовой практикой, очевидно, связана другая находка костяного гребня эпохи раннего железа, обнаруженная недавно в Великобритании (рис. 4).

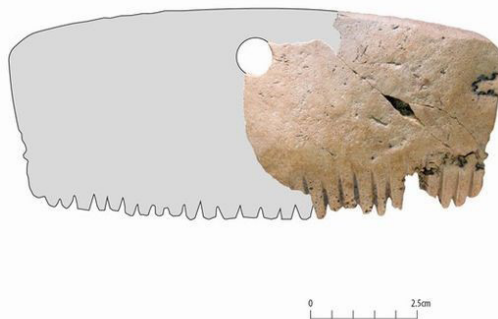

Рис. 4. Фрагмент гребня из человеческого черепа эпохи раннего железа из Бар-Хилл (Великобритания)

При реконструкции трассы между Кембриджширом и Хантингтоном в окрестностях Бар-Хилл был найден фрагмент гребня возрастом более 2000 лет. Этот предмет был изготовлен из стенки человеческого черепа. У изделия сохранились остатки 12 зубьев средней нарезки. Размеры фрагмента гребня составляли 5,5 × 4 см. Общее количество этих зубьев на целом изделии могло достигать до 27 штук. Размеры целого изделия 11 × 5 см. В центральной части предмета располагалось округлое отверстие для подвешивания. Авторами находки было выдвинуто предположение, что этот гребень был не только изготовлен из черепа важного члена общества, чье «присутствие» должно быть каким-то образом увековечено, но и возможно использовался в особых ритуалах, связанных с умершими. Такой гребень является всего лишь третьей находкой подобных предметов за всю историю археологических исследований в Великобритании [7].

При всей уникальности и возможно престижности изделий из человеческих костей, нельзя сказать, что во всех случаях интерпретация такого «косторезного материала» отвечала требованиям исключительности и редкости этого сырья. Дело в том, что в ханьском Китае документально зафиксированы случаи массового изготовления изделий из костей казненных преступников [8]. Конечно, такой прецедент можно «списать» на специфические куль-

турные условия Древнего Китая, но совершенно очевидно, что использование костного материала в других случаях имело явно выраженную ритуальную «окраску». Одним из подтверждений этого было изготовление из трубчатых человеческих костей духовых инструментов (флейт). В свою очередь интеграция музыкальных инструментов в религиозной и ритуальной практике общеизвестна.

Следует также подчеркнуть, что «костяные» гребни в рамках косторезного производства в целом могут отражать и транслировать две тенденции [9]. Одна из них – это функция маркера, отражающая автохтонность происхождения. При этом за пределами территории своего происхождения такие специфические предметы являлись уже признаками инокультурного происхождения и миграционной активности. В соответствии с другой тенденцией через предметы косторезного производства осуществлялось проникновение и передача других инокультурных традиций.

Наиболее ярким примером трансляции эпической, мифологической традиции, этнической и культурной коммуникаций, а также отражения исторических событий является золотой гребень из элитарного кургана Солоха (рис. 5) на правом берегу Днепра [10, с. 74–86].

Рис. 5. Золотой гребень из элитарного скифского кургана Солоха (левобережная Украина)

Все интерпретации такого порядка имеют различную степень аргументации. Так, гипотеза об отражении на гребне основной скифской генеалогической мифологемы о трех братьях (Липоксае, Арпоксае, Колаксае), изложенной у Геродота, при всей ее допустимости [11, с. 117] явно опирается на определенную реконструкцию [10, с. 81]. Общие интерпретации о воспроизведении в изображении фигур на гребне различных представителей локальных этнических групп скифов [12] также не безупречны [10, с. 80–81]. Хотя отдельные детали изображенного вооружения на гребне из Солохи явно имеют не скифское происхождение. Среди них: шлем «фракийского» типа, греческий доспех с «юбочкой» и детали паноплии (коринфский шлем, кнемиды) [10, с. 84].

При всей дискуссионности отражения исторического контекста в сцене вооруженного столкновения на гребне из Солохи такая трактовка вполне имеет право на существование. Поскольку явно имеет хронологические параллели как с глобальными историческими событиями (вторжение савроматов-сармат в Скифию в IV в. до н. э.), так и с локальными историческими сюжетами (истории о скифском царе грекофиле – Скиле) [10, с. 80, 84]. Последний сюжет в формате культурных коммуникаций является наиболее показательным. По описанию Геродота, этот скифский царь был убит своими соплеменниками за чрезмерное пристрастие к греческой культуре. Однако такую трактовку нельзя считать единственной. Поскольку есть основания полагать, что в основе этого конфликта лежали династические противоречия и борьба за власть в скифском обществе [13, с. 15].

В целом этот нарратив об изображениях на гребне из Солохи вполне укладывается в эпический формат [10, с. 84; 14, с. 81]. В свою очередь эпос в сфере символического формата является культурным ответом на ряд базовых потребностей культуры (безопасности, движения и развития) [15, с. 115]. Более того, компиляция в изображении на гребне из Солохи отголосков реальных исторических (династических) и фольклорно-мифологической традиции явно была ориентирована на трансляцию определенной информации, которая имела ключевое значение не только для демонстрации престижа, но и для социально-культурной идентификации.

Драгоценный металл, из которого изготовлен гребень из кургана Солоха, сочетает в себе целый комплекс престижных коммуникативных функций и культурных традиций степного круга скифского времени. Поскольку потребность любой элиты в золоте как драгоценном ресурсе для подчеркивания своего социального и ритуального статуса являлась еще важнейшим мотиватором для налаживания и поддержания внешних культурных и династических контактов. Неслучайно в текстах Древнего Египта сохранились просьбы восточных правителей к фараонам прислать золото [16]. В частности, в письме ассирийского царя Ашшурбалита фараону Аменхотепу IV (XV век до н. э.) о необходимости украшения его дворца говорилось: «...золота в твоей стране много, оно как пыль... Если добротой лицо твое благостно, пришли много золота...». Самодостаточность Египта в масштабную добычу золота являлась не только одним из важных факторов исключительного престижа фараонов, но и мощным средством внешнего культурного и политического влияния. В скифском мире от Дуная до Великой китайской стены золото также играло важную роль [17, с. 207] как стимула внешней активности, так и важного фактора для поддержания внутренних социальных и ритуальных связей.

На территории Западного Казахстана другим не менее показательным гребнем, демонстрирующим внешние культурные связи, является деревянный предмет (рис. 6, рис. 7) с резным изображением в центре колесницы, колесничего, лучника и щитоносца из элитного сарматского кургана № 6 Таксай I (VI–V вв. до н. э.) [18; 19, с. 13, 15, 16, 18].

Рис. 6. Деревянный ахеменидский гребень из элитного сакского кургана Таксай I (Западный Казахстан) фото Я. А. Лукпановой

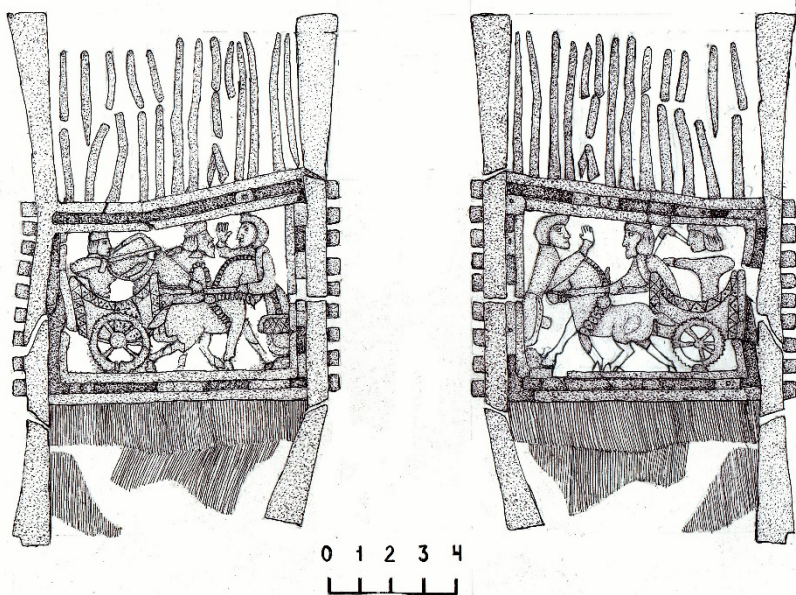

Рис. 7. Прорисовка двухстороннего деревянного гребня из Таксай I

Такой сюжет вооруженного противостояния достаточно широко распространен в изобразительных памятниках Переднего и Ближнего Востока [20, с. 300–303, рис. 170–171:15; 30; 32; 39; 41, рис. 173:3, 4, 12, 13]. Наибольшее развитие изображение такой сцены получило в дворцовых колесничных рельефах с изображением «царских охот» или противостояния царя врагам Ассирии VIII–VII вв. до н. э. и Персии – в Ниневии, Нимруде, а также – в Персеполе [19, с. 24]. Можно также предположить, что сюжет с изображением вооруженного противостояния с колесничим на гребне из Такся I является своеобразным «мемом», который получил свое широкое распространение вплоть до эпохи эллинизма. Одним из примеров этого может быть мозаика из Помпей (79 г. до н. э.) с изображением поединка Александра Македонского и Дария I в битве при Иссе в 333 г. до н. э. (рис. 8).

Рис. 8. Дарий I в колеснице на мозаике из Помпей (79 г. до н. э.)

Для датировки резьбы на деревянном гребне из Такся I особое значение имеет сходство в иконографии колесниц и упряжных лошадей на ассирийских барельефах. В частности, изображение ребристых шин повозки на барельефах ассирийских колесниц появляется в VII в. до н. э. во времена царей Сеннахериба и Ашшурбанипала [21, р. 68–71; 20, с. 190–191]. Именно тогда существенно увеличивается вместительность боевых колесниц. В них помещается уже несколько человек. Наиболее близкое соответствие резная композиция на деревянном гребне из Такся I обнаруживает среди барельефов из Ниневии и Персеполя [22, р. 47; 23, р. 74, 86; 24, р. 51, 58].

Следует также отметить, что для таксайского гребня характерно сходство изображений резьбы с конской сбруей «ассирийского» облика. Однако наряду с этими культурно диагностирующими признаками нельзя однозначно утвер-

ждать, что это исключительно заимствованный сюжет на деревянном гребне, изготовленном по заказу. Поскольку особенности техники исполнения изделия, иконографии, а также некоторые особенности повозки (дугообразные борта кузова) и антропологический тип персонажей скорее всего свидетельствуют о местном производстве этого изделия [19, с. 25]. Косвенным аргументом в подтверждение такого местного происхождения гребня из Таксая I можно привести факты наличия схематического изображения узды «ассирийского» облика на ритуальных керамических протомах переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железу в южнотаежном Прииртышье (Новотороицкое I) [25].

Возвращаясь к сарматскому гребню из Таксая I, следует обратить внимание на материал его изготовления. Этот предмет сделан из древесины тополя [19, с. 12]. Такое сырье скорее всего имеет местное происхождение, поскольку в степной зоне это наиболее распространенный вид древесины, из которого в кочевой среде вплоть до этнографического времени изготавливалось значительное разнообразие изделий. Кроме этого, важно учесть, что тополь в кочевых культурах Евразии явно относится к священным деревьям («Байтерек»), чем может быть еще мотивирован выбор материала для изготовления такойского гребня. Однако в качестве сырья для изготовления органических гребней тополь достаточно мягкий материал. Тогда как интенсивное использование приспособления для частого расчесывания волос требует значительно большей прочности исходного сырья.

Таковыми характеристиками обладают далеко не все породы древесины. Одна из них – это самшит. Но местонахождения такого сырья локализованы достаточно избирательно (Черноморское побережье Кавказа, Закавказье). Именно поэтому самшит является при изготовлении гребней на большей части территории Евразии, как правило, предметом престижного импорта.

Находка еще одного двухстороннего деревянного византийского гребня (рис. 9) первой половины I тыс. н. э. известна из Феодосийской гавани в Константинополе (Стамбул).

Рис. 9. Деревянный гребень с имитацией полихромного стиля из Константинополя (423 г. н. э.)

Этот предмет любопытен тем, что декор его представлен имитацией полихромного стиля, который особенно широко распространен в Евразии в эпоху «великого переселения народов». Гребень датируется 423 г. н. э. На центральной пластине изделия воспроизведены объемные раскрашенные изображения фальшкамней синего цвета. Такая особенность полихромного стиля наиболее характерна для римского провинциального искусства эпохи поздних империй [26, с. 7–17]. Следует подчеркнуть, что это византийское изделие косвенно отражает последствия активных миграционных контактов, вследствие которых полихромный стиль в его самых различных вариантах и получил свое обширное бытование. На примере этого деревянного гребня можно проследить конечный результат активного коммуникационного взаимодействия целого ряда кочевых культур (поздних сармат, гуннов) и античных цивилизаций. Однако, в отличие от золотого гребня из Причерноморской Солохи и деревянного изделия из казахского Таксая 1, здесь уже представлена не калькированная трансляция культурных традиций Древнего Востока и эллинистической Греции, а воспроизведение в позднеантичной среде активного напора евразийской кочевой среды.

В археологических материалах древнего Новгорода самшитовые гребни встречаются с XI по XIV в. [2, с. 16]. Такая продукция на Русь поступала волжским путем на протяжении длительного времени с кавказского Причерноморья и Закавказья.

Специалистами отмечается очень чуткое реагирование интенсивности таких торговых контактов в зависимости от изменений внешней военно-политической ситуации. В частности, в культурных слоях Новгорода первой четверти XII в. самшита становится существенно меньше. Это явление связывается специалистами с активизацией набегов половцев, перерезавших «волжский» торговый путь. Однако производство гребней явно было местным – новгородским. На рынок поступали импортные самшитовые заготовки, а производство из них гребней было локализовано на месте.

Деревянные самшитовые гребни-расчески были двусторонними: с одной стороны – частые зубья, с другой – редкие. Такой тип гребня, появившись в Евразии еще в эпоху бронзы, практически без изменений просуществовал несколько тысячелетий, совмещая в себе не только целый ряд косметических функций, но и обладая сложной семантикой, а также будучи индикатором внешних культурных связей. При всей массовости такого производства и широкой востребованности самшитовых гребней в древнем Новгороде высокохудожественные образцы явно были ориентированы на элитные слои средневекового общества (боярство, высших иерархов священнослужителей и богатое купечество) [27, с. 61]. Более того, на отдельных, уникальных образцах самшитовых гребней продолжала встречаться эпиграфика, обозначающая имущественную принадлежность этих престижных изделий [28, с. 32]. Одним из них является двусторонний самшитовый гребень с надписью: «Завижь гребень» (рис. 10), которая трактуется как принадлежность к владельцу с таким именем (Завид).

Следует подчеркнуть, что такие артефакты не только отражают уровень грамотности в древнем и средневековых обществах, но и являются признаком «внутренней» коммуникации человека и предмета. При этом, в отличие от надписи на ханаанском гребне из древнего Лахиша (эпоха бронзы), начертание имени «владельца» предмета из древнего Новгорода (эпоха Средневековья)

Рис. 10. Самшитовый гребень с надписью из древнего Новгорода

могло носить как сакральный, так и исключительно индивидуальный смысл. Поскольку если в первом случае (ханаанский гребень из Лахиша) надпись можно трактовать как некое заклинание с явными параллелями в раннебиблейских текстах, то во втором случае (самшитовый гребень из Новгорода) начертание имени, восходящее к древнеславянскому имени Завид, могло также иметь магический смысл, кроме обозначения права собственности. Такой смысл эпиграфики на самшитовом гребне из древнего Новгорода позволяет его также рассматривать как «волшебный предмет» – помощник, функции которого были строго определены [29, с. 243]. При этом взаимодействие именно с деревянным гребнем отражает два уровня коммуникации. Один из них – «внутренний» уровень коммуникации сводился к гигиеническому и эстетическому контакту с волосами владельца, включая взаимообмен магическими свойствами. Другой – «внешний» уровень коммуникации был представлен уже в импортном материале (самшите), из которого был изготовлен этот гребень. На этом уровне сочетались не только объективные материаловедческие характеристики этого сырья (исключительная прочность), но и проецирование на него также магических свойств, поскольку сам самшит всегда рассматривался как надежный оберег от злых чар, сглаза и порчи. Возможно, именно с этими магическими функциями на самшитовом гребне из древнего Новгорода перекликается и имя «Завид». Так как оно является антропонимом защитного характера. Не менее важно и то, что материал гребней из Такся 1 (тополь) и древнего Новгорода (самшит) явно перекликается с тематикой «мирового

дерева» [30, с. 244]. В основе этого мифологического мотива лежит идея о том, что это ось, соединяющая несколько миров (нижний, средний и верхний), по которой осуществляется «транспортное» сообщение в различные стороны. В ходе этого движения и осуществляются различные коммуникации, в которых деревянные гребни можно рассматривать как важный посредник. При этом гребень выступает в двух ипостасях: как предмет и как символ (включая и материал, из которого он изготовлен). Такие характеристики более чем удачно укладываются в формат коммуникации, поскольку этот процесс «представляет собой обмен смысловой информацией между людьми, при котором сообщение или сигнал в виде скомпонованных определенным образом знаков или символов передается целенаправленно, принимается в соответствии с определенными правилами» [31, с. 27]. Не менее важно и то обстоятельство, что любой коммуникативный процесс включает в себя кроме настоящего еще и прошлое, а также проекцию на будущее [32]. В таком неопределенном временном контексте коммуникации археологические артефакты играют особую роль. Наглядным примером этого феномена являются элитарные гребни, успешно преодолевающие различные барьеры: логический, стилистический и семантический [33, с. 264]. Тогда как их массовые образцы широко применялись в обыденности не только в эстетических и гигиенических целях, но и для удаления волос при кожаной обработке [34, с. 92]. В свою очередь использование гребней из слоновой кости (Лахиш) и золота (Солоха) явно подчеркивало их культовое значение.

Заключение. Подводя итоги, необходимо отметить, что элитарные гребни на протяжении ряда тысячелетий не случайно являются трансляторами целого спектра коммуникаций, включая функциональные, культовые и эпические. Такой информационный потенциал этих артефактов тесно связан и взаимодействует с динамически развивающейся этнической и исторической реальностью. Четкость воспроизведения этой важной информации в этих предметах во многом обусловлена их принадлежностью к ценным и высокотехнологичным изделиям, максимально отражающим культурный потенциал своей эпохи. Магические функции таких гребней также следует рассматривать в форматах достаточно разнообразной коммуникации, успешно преодолевающей все ее барьеры. Основанием для этого является трансграничность во временном контексте этих предметов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 363 с.
2. **Vainstub D., Mumcuoglu M., Hasel M. G., Hesler K. M., Lavi M., Rabinovich R., Goren Y., Garfinkel Y.** Oldest legible sentence written with first alphabet is about head lice // *Jerusalem Journal of Archaeology*. – 2022. – № 2. – P. 76–119. DOI: 10.52486/01.00002.4.
3. **Petrie W. M.** Prehistoric Egypt. – London: British School of Archaeology in Egypt, 1920. – 117 p.
4. **Petrie W. M. F.** Objects of Daily Use. – London: British School of Archaeology in Egypt, 1927. – 158 p.
5. **Martín del Río C.** Egyptian Predynastic Lice Combs: Analysis of an Ancestral Tool // *Trabajos de Egiptologia. Papers on Ancient Egypt*. – 2018. – № 9. – P. 123–143.
6. **Tufnell O.** Lachish IV: The Bronze Age. – London: Oxford University Press, 1958. – 351 p.
7. Bone comb made from human skull dug up in Cambridgeshire ahead of A14 improvement works [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cambridge-news.co.uk/news/history/bone-comb-made-human-skull-26350651> (дата обращения: 03.02.2023).

8. The Prehistory of China; an archaeological exploration. Garden City, Published for the American Museum of Natural History [by] Natural History Press. – N.Y., 1972. – 156 p.
9. **Бородовский А. П.** Культурные влияния и предметы древнего косторезного производства древних кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий // Номады казахстанских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 181–186.
10. **Алексеев А. Ю.** Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV вв. до н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 36. – СПб., 2003. – С. 72–144.
11. **Раевский Д. С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской идеологии. – М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1977. – 222 с.
12. **Яценко С. А.** Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н. э. (к вопросу об этнографизме изображений) // Вестник шелкового пути. Археологические источники. – Вып. 1. – М., 1993. – С. 304–338.
13. **Кузнецова Т. М.** Анахарсис и Скил // Краткие сообщения Института археологии. – 1984. – Вып. 178. – С. 11–16.
14. **Граков Б. Н.** Скифы: научно-популярный очерк. – М., 1971. – 200 с.
15. **Малиновский Б.** Научная теория культуры. – М., 2005. – 184 с.
16. Хрестоматия по истории древнего мира / под ред. В. В. Струве. – Т. 1. – М.: Изд-во Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1950. – 361 с.
17. **Султанова М. Э., Михайлова Н. А., Оразкулова К. С.** Золото в скифском зверином стиле: символика и мифопоэтика // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 15. – 2013. – Вып. 1. – С. 199–210.
18. **Лукпанова Я. А.** Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская археология. – 2017. – № 1 (19). – С. 145–156.
19. **Алтынбеков К.** Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. – Алматы; Уральск, 2013. – 64 с.
20. **Новоженков В. А.** Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / под ред. Е. Е. Кузминой. – М.: Таус, 2012. – 502 с.
21. **Littauer M. A., Crouwel J. H.** Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. – Leiden/Koln: E. J. Brill, 1979. – 185 p.
22. **Werner F. D., Matheson S. A.** Persia. Persepolis. Tehran. – Yassvoli, 2001. – 104 p.
23. **Reade J.** Assyrian Sculpture. – L.: British Museum Press, 2011. – 96 p.
24. **Curtis J.** Ancient Persia. – L.: British Museum Press, 2011. – 96 p.
25. **Бородовский А. П., Труфанов А. Я.** Керамические протомы лошадей эпохи палеометалла из южно-таежной зоны Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 77–84. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.000-000.
26. **Засецкая И. П.** Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1975. – 80 с.
27. **Колчин Б. А.** Новгородские древности резное дерево // Свод археологических источников E1-55. – М.: Наука, 1971. – 63 с.
28. **Рыбина Е. А.** Образование в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие (Вып. 3: Проблемы истории России). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 25–44.
29. **Пропп В. Я.** Русская сказка. – М.: АСТ, 2020. – 480 с.
30. **Березкин Ю. Е.** Об универсалиях в мифологии индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 237–252.
31. **Коваленко М. Ю., Коваленко М. А.** Теория коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – 466 с.
32. **Wood J. T.** Interpersonal Communication: Everyday Encounters. – Rel. Lib, 2003. – 349 p.
33. **Якупов П. В.** Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры // Вестник университета. – 2016. – № 10. – С. 261–266.
34. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. – 220 с.

REFERENCES

1. Propp V. Ya. *Historical roots of a fairy tale*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1996, 363 p.
2. Vainstub D., Mumcuoglu M., Hasel M. G., Hesler K. M., Lavi M., Rabinovich R., Goren Y., Garfinkel Y. Oldest legible sentence written with first alphabet is about head lice. *Jerusalem Journal of Archaeology*, 2022, no. 2, pp. 76–119. DOI: 10.52486/01.00002.4.
3. Petrie W. M. *Prehistoric Egypt*, London: British School of Archeology in Egypt, 1920, 117 rubles.
4. Petrie W. M. F. *Objects of Daily Use*, London: British School of Archeology in Egypt, 1927, 158 p.
5. Martín del Río C. Egyptian Predynastic Lice Combs: Analysis of an Ancestral Tool. *Trabajos de Egiptología. Papers on Ancient Egypt*, 2018, no. 9, pp. 123–143.
6. Tufnell O. *Lachish IV: The Bronze Age*, London: Oxford University Press, 1958, 351 p.
7. *Bone comb made from human skull dug up in Cambridgeshire ahead of A14 improvement works* [Electronic resource] URL: <https://www.cambridge-news.co.uk/news/history/bone-comb-made-human-skull-26350651> (access date: 02/03/2023).
8. *The Prehistory of China; an archaeological exploration*. Garden City, Published for the American Museum of Natural History [by] Natural History Press, N.Y., 1972, 156 p.
9. Borodovsky A. P. Cultural influences and objects of ancient bone-carving production of ancient nomads of Southern Siberia and adjacent territories. *Nomads of the Kazakh steppes: ethnosociocultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka era*, Astana, 2008, pp. 181–186.
10. Alekseev A. Yu. Comb from the Solokha mound and Scythian kings of the V-IV centuries. BC. *Archaeological collection of the State Hermitage*, 2003, vol. 36, pp. 72–144.
11. Raevsky D. S. *Essays on the ideology of the Scythian-Saka tribes. Experience in the reconstruction of Scythian ideology*. M.: Science, Main Editorial Office of Eastern Literature 1977, 222 p.
12. Yatsenko S. A. Scythian men's costume on objects of Greco-Scythian toreutics of the 4th century. BC e. (on the issue of ethnography of images). *Bulletin of the Silk Road. Archaeological sources*, 1993, vol. 1, pp. 304–338.
13. Kuznetsova T. M. Anaharsis and Skill. *KSIA*, 1984, issue 178, pp. 11–16.
14. Grakov B. N. *Scythians: a popular science essay*. M., 1971, 200 p.
15. Malinovsky B. *Scientific theory of culture*. M., 2005, 184 p.
16. Struve V. V. (ed.) *Reader on the history of the ancient world*, M.: Publishing house State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 1950, vol. 1, 361 p.
17. Sultanova M. E., Mikhailova N. A., Orazkulova K. S. Gold in the Scythian animal style: symbolism and mythopoetics. *Bulletin of St. Petersburg University*. Ser. 15, 2013, issue 1, pp. 199–210.
18. Lukpanova Y. A. Reconstruction of a woman's costume from the elite burial Taksay-1: an archaeologist's view. *Volga Archeology*, 2017, no. 1 (19), pp. 145–156.
19. Altynbekov K. *Revived from the ashes. Reconstruction based on materials from the burial of a priestess from the Taksay I complex*, Almaty; Uralsk, 2013, 64 p.
20. Novozhenov V. A. *The miracle of communication and the oldest wheeled transport of Eurasia*. (ed.) E. E. Kuzmina, M.: Taus, 2012, 502 p.
21. Littauer M. A., Crouwel J. H. *Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East*. Leiden/Koln: E. J. Brill, 1979, 185 p.
22. Werner F. D., Matheson S. A. *Persia. Persepolis*. Tehran. Yassvoli. 2001, 104 p.
23. Reade J. *Assyrian Sculpture*, L.: British Museum Press, 2011, 96 p.
24. Curtis J. *Ancient Persia*, L.: British Museum Press, 2011, 96 p.
25. Borodovsky A. P., Trufanov A. Ya. Ceramic prototypes of horses of the Paleometal Age from the southern taiga zone of Siberia. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*. 2019, vol. 47, no. 4, pp. 77–84. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.000-000.
26. Zasetzkaya I. P. *Gold jewelry of the Hunnic era. Based on materials from the Special Storeroom of the State Hermitage*, L.: Aurora, 1975, 80 s.
27. Kolchin B. A. Novgorod antiquities carved wood. *Code of archaeological sources E1-55*, M.: Nauka, 1971, 63 p.
28. Rybina E. A. Education in medieval Novgorod (based on archaeological materials). *Novgorod Rus': historical space and cultural heritage. (Issue 3: Problems of Russian history)*, Ekaterinburg: Bank of Cultural Information, 2000, pp. 25–44.
29. Propp V. Ya. *Russian fairy tale*. M.: AST, 2020, 480 p.
30. Berezkin Yu. E. About universals in mythology, individual and typical in archaeological culture (experience of a compositional approach). *Current problems in the study of archaics: materials of the*

theoretical seminar "Theory and Methodology of Archaics" 1996–2012. St. Petersburg: MAE RAS, 2014, pp. 237–252.

31. Kovalenko M. Yu., Kovalenko M. A. *Theory of communication*, M.: Yurayt, 2016, 466 p.
32. Wood J. T. *Interpersonal Communication: Everyday Encounters* (eds) J. T. Wood, Rel. Lib, 2003, 349 p.
33. Yakupov P. V. Communication: definition of the concept, types of communication and its barriers. *Bulletin of the University*, 2016, no. 10, pp. 261–266.
34. Material culture. *A set of ethnographic concepts and terms*, M.: Nauka, 1989, 220 p.

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию 18.06.2023	The article was submitted 18.06.2023
Одобрена после рецензирования 18.07.2023	Approved after reviewing 18.07.2023
Принята к публикации 05.09.2023	Accepted for publication 05.09.2023

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1
Cultural and anthropological research. 2023. № 1

Научная статья
УДК 378(091)

Токийская школа изящных искусств – межкультурный диалог в образовательном процессе эпохи Мэйдзи

Грушицкая Марина Александровна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Работа посвящена анализу взаимоотношений традиционализма и европоцентризма в первое десятилетие существования Токийской школы изящных искусств и выявлению оптимальных способов внедрения европейского опыта в японское художественное образование в эпоху Мэйдзи. Эрнест Феноллоза и Окакура Тенсин, являясь основателями этой школы, проделали уникальный путь в поиске понимания идентичности японской культуры и разработали учебную программу, чтобы возродить преподавание для изучения местных традиций. Токийская школа изящных искусств была сформирована в 1887 г. по строгим канонам, тем не менее регулярно претерпевала изменения в связи с настойчивой европеизацией общества. В 1896 году была создана секция западной живописи, где директором был назначен Курода Сейки. Она и стала одним из центров европейской живописи в Японии начала XX века.

Ключевые слова: педагогика; образовательный процесс; Токийская школа изящных искусств; Мэйдзи; художественное образование в Японии

Для цитирования: Грушицкая М. А. Токийская школа изящных искусств – межкультурный диалог в образовательном процессе эпохи Мэйдзи // Культурно-антропологические исследования. – 2023. – № 1. – С. 32–39.

Scientific article

Tokyo School of Fine Arts – intercultural dialogue in the educational process of the Meiji era

Marina A. Grushitskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between traditionalism and eurocentrism in the first decade of the existence of the Tokyo School of Fine Arts and to identify the best ways to introduce European experience into Japanese art education in the Meiji era. Ernest Fenollosa and Okakura Tenshin, as the founders of this school, have come a long way in seeking an understanding of the identity of Japanese culture and have developed a curriculum to revive teaching of the local traditions. The Tokyo School of Fine Arts was formed in 1887 according to strict canons, however, it regularly underwent changes due to the persistent europeanization of the society. In 1896, a western painting section was established, with Kuroda Seiki as the director.

She became one of the centers of European painting in Japan until the beginning of the 20th century.

Keywords: pedagogy; educational process; Tokyo School of Fine Arts; Meiji; art education in Japan

For citation: Grushitskaya M. A. Tokyo School of Fine Arts – intercultural dialogue in the educational process of the Meiji era. *Cultural and anthropological research*, 2023, no. 1, pp. 32–39.

В эпоху Мэйдзи происходят важные изменения в социокультурном пространстве Японии, связанные с активным взаимодействием с Европой и Америкой. Смена мировоззрения повлекла за собой рассуждения на тему образования и возможности реализации новых правил. В современном мире важно умение перенимать иностранный опыт, где гармоничным образом структурируются обязательные правила, национальное своеобразие и привнесенные инновации. В образовании этот процесс требует особенного внимания по причине регулярных социально-экономических преобразований и требований. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью более глубокого понимания специфики и механизмов диалога культур в период глобализации. Культурный обмен Японии и Франции во второй половине XIX века является уникальным примером, показывающим новые варианты взаимодействия. Детальное исследование восприятия обучения западной живописи не европейской страной, принципы трансляции и варианты принятия открывают новые грани в понимании специфики этих стран. Этим продиктована цель данной работы – выявить особенности инкорпорирования некоторых правил европейского художественного образования на базе Токийской школы изящных искусств.

В 1868 г. император Мэйдзи открыл страну для внешних связей. Японцы изучали за границей деятельность в различных сферах – от управления, банковской структуры, политики и экономики до живописи и литературы. Формирование нового искусства в Японии происходило под влиянием новых веяний, открытых границ и увлечения западной живописью, которая транслировалась как европейскими, так и японскими преподавателями. Японские художники, обучавшиеся за границей, нередко становились преподавателями в государственных учебных заведениях, их манера преподавания являла собой совокупность компонентов, выборочно взятых из их европейского опыта. Так, на университетских скамьях зарождалось понимание новой педагогической мысли. В японских университетах стали появляться курсы и факультеты, на которых изучались новые предметы. Так, например, в программе Технической школы искусств изучение импрессионизма стояло в одном ряду с изучением романтизма, классицизма и других направлений, ведь рисунок, живопись и скульптура в западных стилях рассматривались, скорее, с технической, нежели с эстетической точки зрения. Фактически в правилах школы указано, что учреждение было создано для «улучшения различных ремесел путем применения современных европейских методов работы» [6, с. 22] – основные механизмы обучения, методическое рисование набросков, переход от рисунка к живописи и др. Особенностью такого преподавания являлась возможность нарушать правила. Утилитарный подход в Технической школе искусств, основанный на искусстве как технологии, является вариантом изучения западной живописи

в Японии. Но эта школа была закрыта в 1883 г. в связи с изменениями политики в отношении художественного образования.

В противоположность к подобному образовательному процессу в 1887 г. была открыта Токийская школа изящных искусств, которая создавалась с целью возрождения японских традиций. Далее последовательно будут раскрыты некоторые важные аспекты для анализа рецепции европейской академической живописи в Токийской школе изящных искусств. Во-первых, необходимо обратить внимание на личности основателей этого образовательного учреждения. В. А. Выборнова пишет: «качественные характеристики отцов-основателей влияют на траекторию развития образовательного учреждения и ее успешность» [1]. Эрнест Феноллоза и Окакура Тенсин проделали уникальный путь в поиске понимания идентичности японской культуры.

Основатели школы Эрнест Феноллоза и Окакура Тенсин, будучи первыми директорами Токийской школы изящных искусств, разработали учебную программу, чтобы возродить преподавание для изучения местных традиций. Эрнест Феноллоза (1853–1908), выпускник Гарвардского университета, прибыл в Японию в 1878 г., чтобы занять должность в Токийском университете. Он преподавал политологию и экономику, а его задачей по договору о сотрудничестве было распространение европейского опыта. Уже в стране восходящего солнца он увлекся искусством. Согласно его записям, он планировал проводить лекции и мероприятия с целью распространения европейской живописи, но эти идеи не были реализованы. В 1880 г. Эрнест Феноллоза совершил несколько частных поездок в Нара и Киото, где увлекся японской культурой. С этого момента он сменил вектор своих действий и с 1881 года начал заниматься «возрождением настоящей японской живописи» [5, с. 33], в первую очередь, сюда была включена школа Кано. Для реализации своей цели он помог основать Токийскую школу изящных искусств, разработать закон о сохранении храмов и святынь и их художественных ценностей. В течение пяти лет, с 1890 года, возглавлял восточный отдел Бостонского музея изящных искусств, где собрал большую коллекцию, написал ряд произведений, таких как «Китайский письменный иероглиф как средство для поэзии», «Восток и Запад: Открытие Америки» и др. А в 1900 г. стал профессором Колумбийского университета. Одной из его основных идей была идея о том, что древнее японское искусство является далеким наследником классического искусства Древней Греции. Исходя из этой теории, он выделял школу Кано как наиболее ортодоксального и законного наследника древнего наследия классицизма и с тех пор направил свои силы на возрождение этой школы.

Не менее значимый вклад в образование Токийской школы изящных искусств привнес Окакура Тенсин (Окакура Какудзо) (1863–1913). Он родился в Июкогаме, учился в школе Джеймса Кертиса Хепберна, где основное внимание уделял английскому языку. Впоследствии он поступил в Токийский университет на факультет филологии, где и познакомился с Эрнестом Феноллозой, который повлиял на его дальнейший творческий путь. Окакура Тенсин принимал участие в создании комитета по археологии для сохранения наследия японской культуры, путешествовал по миру в поисках артефактов. Его основные работы посвящены исследованиям японской культуры и предназначены для распространения этих знаний на западе, так как они были написаны на

английском языке. Это – «*Идеалы Востока*» (1903), «*Пробуждение Японии*» (1904) и «*Книга чая*» (1906). А. Н. Мещеряков в своей работе «Император Мэйдзи и его Япония» пишет: «Оакура оказался одним из главных творцов и другого мифа» [3, с. 328]. Он утверждал, что уникальной особенностью японцев является их способность адаптировать иностранное, гармонизируя его с местным. Он определял Японию как «музей Азиатской цивилизации», где «многие заимствованные элементы служили новыми средствами выражения главного, что лежало в основе национальных убеждений японцев и способствовало их укреплению» [3, с. 331]. В своем развитии, которое в значительной степени есть история заимствований и их адаптации, Япония только приобретает и не теряет ничего.

В 1871 г. было создано Министерство образования, что повлекло за собой новые реформы в этой сфере, открытие элементарных школ и высших учебных заведений, их становление и регулярную реорганизацию для более оптимального варианта учебного процесса. Оакура Тэнсин и Эрнест Феноллоса были направлены правительством в Европу для изучения различных форм и методик образовательных процессов. Однако один из их выводов заключался в том, что «там не было ничего, что Японии следовало бы принять» [4]. В школе были созданы три факультета: живописи, скульптуры и ремесел, учебная программа каждого из них была разработана с учетом только традиционных японских техник. В классных комнатах не было ни мольбертов, ни стульев – ученики работали на татами. Униформа, которую носили преподаватели и студенты, была разработана Оакурой Тэнсин и это была имитация официальной одежды периода Нара. Данная школа стала в определенной степени совокупностью интерпретаций японской культуры и образования Оакурой Тэнсин и Эрнестом Феноллоса. Совместная работа двух видных деятелей показала положительный пример сотрудничества представителей разных культур и идеологий для успешной реализации образовательного процесса.

Токийская школа изящных искусств была сформирована по строгим канонам, тем не менее регулярно претерпевала изменения в связи с настойчивой европеизацией общества. Поскольку философия школы была нацелена на традиционные техники, живопись в западном стиле не получала поддержки до тех пор, пока в результате продолжающегося давления со стороны студентов, которые хотели изучать масляную живопись, была наконец создана секция западной живописи. Именно она к 1896 г. стала популярной среди молодых художников, желающих изучить европейские тенденции в живописи. Данная секция стала центром изучения европейской живописи в Японии, здесь работали наиболее выдающиеся художники этого периода Курода Сэйки, Куме Кейитиро, Ясуи Сояро, Умехара Рюзабуро и др.

Отдельно стоит отметить деятельность директора секции живописи. Курода Сэйки (1866–1924) – японский художник, преподаватель, политический деятель, повлиявший на распространение европейской живописи в Японии. Он должен был действовать как человек, ответственный за построение академической системы обучения живописью в западном стиле. Как либеральный художник, он подчеркивал индивидуальность; как педагог и советник, он должен был подчеркивать обратное. Это противоречие Курода Сэйки разрешил во вступительной лекции по западной живописи, где заявил следующее: «В обучении живописи

для передачи концептуальных навыков, а именно размещения фигур, обработки световых лучей, смешивания цветов, поощряя творческие способности, существует особая потребность в предмете. Картины исторических сюжетов удобно предоставляют множество возможностей для расширения воображения. <...> Если мы берем исторические картины в качестве предмета, это не значит, что мы просто почитаем исторические картины. Хотя, несомненно, нет ничего более благородного, чем использование кисти и полного воображения в обращении со “знанием”, “любовью” или другими абстрактными предметами, нет никакого способа, которым этот уровень компетентности может быть достигнут за два или три года. Таким образом, сначала ученик должен достичь разумной исторической живописи, и поэтому я считаю, что этот предмет наиболее подходит для занятий» [7]. То есть, с одной стороны, главная цель изучения – это овладеть основными техниками академической живописи, а с другой – расширить свои знания в области европейского искусства конца XIX в. И уже после обучения при необходимости применять их в своем творчестве.

Последовательность предлагаемых курсов была составлена на основе опыта Куроды Сэйки и Кумэ Кэхиро. В результате курс обучения был тщательным и строгим, в традиционном академическом стиле. В первый год обучения студенты учились делать наброски с гипсовых моделей. На втором курсе обучения они делали наброски живых моделей с помощью угля. На третьем курсе студентам показывали технику использования масляных красок и учили делать копии других работ. Только на четвертом, последнем курсе им разрешалось приступить к созданию собственных оригинальных работ.

В то время многие заимствованные элементы служили новыми средствами выражения главного, что лежало в основе национальных убеждений японцев. В Японии учеба – это беспрекословное подражание и умение слушать учителя, а потом творить самостоятельно. Традиционная связь между мастером и учеником, предполагающая обучение путем копирования, которая была неотъемлемой частью преподавания искусства в Японии на протяжении многих веков, продолжала существовать и в новом обличье западной академии. Начинающие мастера проводили значительное время, копируя работы и технику своих мастеров, до того момента, когда они могли начать, возможно, сначала неосознанно, внедрять в уже усвоенную ими систему определенные индивидуальные качества, выражающие их особый характер. В случае с живописью западного стиля, технические знания о набросках, дизайне и использовании масляных пигментов были новыми и стали доступны только благодаря обучению тех, кто получил свои навыки в Европе [8, с. 439]. Неудивительно, что студенты тщательно копировали. Не было никакой традиции, к которой можно было бы обратиться за знаниями, «механизм усвоения знаний в этой стране, открытой чужим знаниям и чужому опыту в силу своих национальных убеждений, всегда приблизительно одинаков: новые знания воспринимались, учитывались и становились средством укрепления собственной культуры» [2, с. 208]. Только уровень преподавания искусства в Японии, усиленный базовым обучением рисованию и наброскам в средних школах, постепенно начал обеспечивать принятие художественного выражения, созвучного более реалистичным западным способам выражения.

Следующий аспект – тематика художественных работ, здесь можно выявить два момента. Европейское искусство наполнено примерами работ, основанных на древней истории и мифологии. В японской культуре такого рода живописи не было, точнее традиционные стили обычно не охватывали подобные сюжеты; и даже когда исторические темы были затронуты, художники использовали другую технику, они рисовали тушью на свитках. Миф синто, в частности, практически не имел фиксированных образов или иконографии, что позволяет привести примеры фигур, изображенных антропоморфно [9, с 322]. Попытка изобразить их в конце XIX в., казалось, сводила их мифический и священный статус к статусу актеров в каком-то историческом спектакле. Курода Сейки через свое творчество показывал студентам возможности европейской живописи. Например, эскиз для рассказа о древнем романе «Служанка» 1896 г. имеет исторический сюжет, рассказанный в произведении «Повести о Хэйке», где изображена Кого-но цубонэ, возлюбленная императора Такакура. Данная работа – наглядный пример попытки познакомить японскую публику с западными техниками импрессионистической и академической живописи. Данная картина была уничтожена, но остался эскиз, наглядно показывающий импрессионистическое отношение к цвету: синевато-серый оттенок руки, темно-красноватая цветовая гамма на лице. Поза девушки также соотносит эту работу с европейской живописью XIX в. «Служанка» – художественное произведение, наглядно демонстрирующее возможность совмещения импрессионистической техники, академического сюжета и национальной атмосферы в одной работе.

Не менее проблематичным для японских художников в конце XIX в. было изображение обнаженной человеческой фигуры. В Токийской школе изящных искусств, ученики Курода Сейки начали создавать эскизы обнаженных фигур. Они рассматривали их не как произведения искусства, а как упражнения. В апреле 1895 г. в Киото состоялась 4-я Отечественная выставка по продвижению промышленности, и Сейки Курода был одновременно членом судейской комиссии и представлял «*Утренний туалет*» – картину, которую он создал во Франции. За эту работу художник был удостоен премии, но показ картины с образом обнаженной женщины перед огромным количеством посетителей экспозиции привел к ряду обличительных статей в прессе, осуждающих выставление напоказ социальных стандартов. Большинство критиков осудили показ этой картины за нарушение общественной морали, а не из-за каких-либо вопросов, связанных с искусством. В связи с этой ситуацией Сейки Курода писал в письме к Кумэ: «Независимо от того, что вы думаете, всегда будет теория, которая считает картины ню порнографией. Даже если в будущем японский художественный мир примет эстетику, принятую во всем мире, все равно необходимо будет сильно поощрять тот факт, что обнаженные картины хороши, и даже если некоторые считают их плохими, они необходимы. <...> Что бы вы ни говорили, морально я победил, и я полон решимости и на эту картину, и на свой образ действий» [6].

Итак, в период с 1887 по 1900 г. наблюдается последовательная европеизация одного из самых консервативных образовательных учреждений. Токийская школа изящных искусств изначально создавалась для поддержания традиционного искусства, но через 10 лет стала одним из самых популярных

европеизированных учебных заведений в Японии. В первую очередь это произошло по причине определенных действий тех преподавателей и организаторов, которые нашли ту «золотую середину» при объединении традиционных способов обучения, новых техник и необходимости оставить лакуну для выражения собственного мироощущения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Выборнова В. А.** Актеры становления Новосибирского государственного университета (1959–1962): опыт просопографического анализа [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. – 2021. – № 4 (40). – С. 26–41. – URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/3_40_2021.pdf (дата обращения 20.02.2023).
2. **Герасимова М. П.** Механизм заимствований в японской культуре // Ежегодник Японии. – 2010. – № 39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizm-zaimstvovaniy-v-yaponskoy-kulture> (дата обращения: 18.01.2023).
3. **Мещеряков А.Н. Император** Мэйдзи и его Япония. – 2-е изд. – М.: Наталис, 2009. – 735 с.
4. **Окакура Тэнсин дзэнсю.** – Токио: Рокугэйся, 1939. – Т. 4. – С. 10.
5. **Karatani K. Japan as Museum: Okakura Tenshin and Ernest Fenollosa / Japanese Art 1945: Scream Against the Sky.** – Harry Abrams, 1994. – P. 33.
6. **Paris in Japan: The Japanese Encounter with European Painting.** By Shuj Takashina and J. Thomas Rimer with Gerald D. Bolas. – St. Louis: Washington University Press, 1987. – 287 p.
7. **Tanaka A. The Life and Arts of Kuroda Seiki** // Independent Administrative Institution National Institutes for Cultural Heritage Tokyo National Research Institute for Cultural Properties. – URL: https://www.tobunken.go.jp/kuroda/gallery/english/life_e.html (дата обращения: 13.01.2023).
8. 金 戸 一 大 近代 日 本 美 術 教 育 の 研 究 一 明 治 時 代 ・ 一 (中 央 公 論 美 術 出 版、1992 年, pp. 435–447.
9. 金 予 一 ・ 夫 近代 日 本 美 術 教 育 の 研 究 一 明 治 ・ 大 正 時 代 一 1 [中 央 公 論 美 術 出 版、平成 11 年. pp. 320–322.

REFERENCES

1. Vybornova V. A. Actors of the formation of Novosibirsk State University (1959–1962): experience of prosopographic analysis. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2021, no. 4 (40), pp. 26–41. URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/3_40_2021.pdf (access date 02/20/2023).
2. Gerasimova M. P. The mechanism of borrowings in Japanese culture. *Yearbook Japan*, 2010, no. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizm-zaimstvovaniy-v-yaponskoy-kulture> (date of access: 01/18/2023).
3. Meshcheryakov A. N. *Emperor Meiji and his Japan*, 2nd ed, M.: Natalis, 2009, 735 p.
4. *Okakura Tenshin Zenshu*, Tokyo: Rokugeisha, 1939, vol. 4, pp. 10.
5. Karatani K. *Japan as Museum: Okakura Tenshin and Ernest Fenollosa*. Japanese Art 1945: Scream Against the Sky, Harry Abrams, 1994, pp. 33.
6. *Paris in Japan: The Japanese Encounter with European Painting*. By Shuj Takashina and J. Thomas Rimer with Gerald D. Bolas, St. Louis: Washington University Press, 1987, 287 p.
7. Tanaka A. The Life and Arts of Kuroda Seiki. *Independent Administrative Institution National Institutes for Cultural Heritage Tokyo National Research Institute for Cultural Properties*. URL: https://www.tobunken.go.jp/kuroda/gallery/english/life_e.html (access date: 01/13/2023).
8. 金 戸 一 大 近代 日 本 美 術 教 育 の 研 究 一 明 治 時 代 ・ 一 (中 央 公 論 美 術 出 版、1992 年, pp. 435–447.
9. 金 予 一 ・ 夫 近代 日 本 美 術 教 育 の 研 究 一 明 治 ・ 大 正 時 代 一 1 [中 央 公 論 美 術 出 版、平成 11 年. pp. 320–322.

Информация об авторе

М. А. Грушицкая, кандидат культурологии, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, m.grushitskaya@yandex.ru

Information about the author

Marina A. Grushitskaya, Candidate of Culturology, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, m.grushitskaya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2023 The article was submitted 22.05.2023

Одобрена после рецензирования 20.07.2023 Approved after reviewing 20.07.2023

Принята к публикации 05.09.2023 Accepted for publication 05.09.2023

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1
Cultural and anthropological research. 2023. № 1

Научная статья

УДК 316.77+94(571.14) "1960/1980"

**«Снежный барс» И. Н. Мешков о развитии альпинизма
в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг.**

Шелегина Ольга Николаевна^{1,2}

¹Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье с позиций антропологии академической жизни в контексте социокультурных реалий советского периода рассматривается проблема поиска стратегических ориентиров в жизни общества и человека, гармонизации его интеллектуальной деятельности и других проявлений личности в сфере спорта. Реконструируется процесс развития альпинистского движения в новосибирском Академгородке от создания секции до формирования и деятельности клуба альпинистов «Вертикаль». Одним из организаторов клуба был И. Н. Мешков, ныне академик, мастер спорта СССР, «Снежный барс» – обладатель почетного звания «Покоритель высочайших гор СССР». Впервые вводятся в научный оборот материалы его дневника, представленного в «Открытом архиве СО РАН» (<http://odasib.ru/>). На основе дневника и публикаций в периодической печати представлены социокультурные коммуникации академгородковских альпинистов, их вклад в освоение новых районов восхождений. Особый интерес представляют наблюдения непосредственного участника событий с точки зрения культуры жизнеобеспечения, поведения человека в экстремальных условиях, эмоциональной составляющей восхождений. Проанализированы материалы, связанные с вовлечением молодежи в альпинистское движение, что в современной ситуации имеет важное значение. С учетом востребованности в возрождении традиций советского альпинизма как школы мужества целесообразно изучение и представление данного опыта, актуального в воспитании у молодежи лидерских и волевых качеств для достижения вершин в науке и жизни.

Ключевые слова: альпинизм; новосибирский Академгородок; И. Н. Мешков; «Снежный барс»; клуб «Вертикаль»; социокультурные коммуникации; школа мужества; воспитание молодежи

Для цитирования: Шелегина О. Н. «Снежный барс» И. Н. Мешков о развитии альпинизма в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. // Культурно-антропологические исследования. – 2023. – № 1. – С. 40–48.

Scientific article

**“Snow Leopard” I. N. Meshkov on the development of mountaineering in
Novosibirsk Akademgorodok in 1960–1980**

Shelegina Olga N.^{1,2}

¹Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article deals with the anthropology of academic life in the context of socio-cultural realities of the Soviet period, the problem of searching strategic guidelines in the life of society and individuals, harmonization of their intellectual activity and personal manifestations in the sphere of sports. The process of development of the mountaineering movement in Novosibirsk Akademgorodok from the creation of the section to the formation of the mountaineers' club “Vertical” was reconstructed. One of its organizers was I. N. Meshkov, now an academician, a USSR master of sports, and “The Snow Leopard”, the owner of the honorary title “Conqueror of the highest mountains of the USSR”. For the first time are introduced into the scientific community the materials of his diary, included in the “Open Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. On its basis and publications in periodicals the socio-cultural communications of the Akademgorodok climbers and their contribution to the development of new areas of climbing are presented. Observations of direct participant of the events from the point of view of life support culture, human behavior in extreme conditions, emotional component are of special interest. Materials related to involvement of young people in mountaineering movement are analyzed, which is of great educational importance in modern situation. Taking into consideration the necessity in revival of traditions of Soviet mountaineering as a school of courage it is expedient to study and present this experience relevant to upbringing of the youth leadership and willpower qualities to reach the tops in science and life.

Keywords: mountaineering; Novosibirsk Akademgorodok; I. N. Meshkov; “Snow Leopard”; Club “Vertical”; sociocultural communication; school of courage; youth education

For citation: Shelegina O. N. “Snow Leopard” I. N. Meshkov on the development of mountaineering in Novosibirsk Akademgorodok in 1960–1980. *Cultural and anthropological research*, 2023, no. 1, pp. 40–48.

Введение. Как известно, альпинистское движение в СССР началось в 1923 г., сформировались особые черты советского альпинизма: массовость, организованность, обязательная серьезная теоретическая и практическая подготовка перед штурмом вершины, была создана стройная система подготовки альпинистов от начинающих до спортсменов высокого уровня. «Альпинизм – школа мужества» – эта формулировка стала квинтэссенцией морально-волевой концепции одного из самых героических и в то же время романтических видов спорта в нашей стране [1]. В 1980-е гг. отмечалась определенная корреляция между наукой и альпинизмом как интеллектуальным спортом, требующим значительного объема знаний в разных областях, так и его исследовательским характером, связанным с освоением новых горных районов СССР [2, с. 93]. Интерес к альпинизму не ослабевает до настоящего времени. Издан энциклопедический словарь, включающий статьи по истории альпинизма и горного туризма, по специальной терминологии [3]. Опубликована книга легенды российского альпинизма В. Д. Кавуненко «Как будут без нас одиноки вершины» [3]. В работе Д. Н. Пясика «Психология альпинизма» (2022 г.) [4] приводятся

высказывания на тему альпинизма известных людей, в том числе академика А. Д. Александрова, работавшего в Сибирском отделении РАН [5] и считающего духовный фактор в альпинизме решающим. На основе совокупности данных определений Д. Н. Пястик заключает, что альпинизм – это «и труд, и спорт, и образ жизни, и душевная потребность, и профессия, и активный отдых, и просто занятие, приносящее радость», а также подчеркивает значение альпинизма как уникальной лаборатории, позволяющей каждому восходителю проверить свой характер, понять свое настоящее место во вселенной, и как своеобразного полигона для испытания на жизнестойкость, правильное общение с природой и друг с другом [6]. Следует отметить, что сегодня в молодежной среде в отношении альпинизма проявляются два социокультурных тренда: гендерный и гражданско-патриотический. Первый развивается в социальных сетях под слоганом «Альпинизм – школа мужества ... и замужества» [7]. Он направлен на привлечение в этот вид спорта девушек и женщин для устройства личной жизни и носящий в значительной мере рекламный характер [8]. Второй – связан с ревитализацией традиций на государственном уровне с патриотическими целями. В связи с этим следует приветствовать поддержку Фондом президентских грантов проекта «Альпинизм – школа мужества», направленного на возрождение альпинистского движения в среде подростков и молодежи в городе Новороссийске Краснодарского края [9].

Цель исследования обусловлена тем, что в современной ситуации весьма актуально получить новое систематизированное знание о начальном периоде альпинистского движения в новосибирском Академгородке, позволяющее выявить особенности его развития в научно-образовательной среде, участие в нем студентов, сотрудников институтов СО АН СССР. Весьма ресурсным для инициативной проектной работы и популяризации активного и спортивного образа жизни является исторический опыт создания альпклуба «Вертикаль» и жизненных траекторий его организаторов и членов, многие из которых стали видными учеными, а И. Н. Мешков – «Снежным барсом» с академическим званием.

Материал и методы исследования. Базовым источником для написания работы стал дневник и публикации в периодической печати Игоря Николаевича Мешкова, входящие в фонд клуба «Вертикаль» «Открытого архива СО РАН» – электронной системы предоставления, накопления и систематизации научного наследия Сибирского отделения РАН [10]. Материалы для архива были предоставлены членами клуба «Вертикаль» при активном содействии в описании документов и фотографий А. С. Мардежова. Фонд содержит две коллекции: 1) воспоминания членов клуба «Вертикаль» – Дневник одного из организаторов клуба «Вертикаль И. Н. Мешкова о событиях 1961–1972 гг. из 108 скан-листов; 2) статьи о клубе «Вертикаль». В их числе статьи И. Н. Мешкова: «На семитысячниках Памира» (1973) о восхождении альпинистов клуба «Вертикаль» на пик Коммунизма и «Добыть голову барса» (1983) о последнем наиболее трудном высотном восхождении альпинистов «Вертикали» на пик «Победы» (в соавторстве А. С. Мардежовым). В двух статьях: «Горы, люди, годы...», посвященной 10-летию клуба «Вертикаль» (1972) и «Как стать снежным барсом» (1982) о членах клуба, получивших звание «Снежный барс», имеется информация об И. Н. Мешкове.

При анализе дневника И. Н. Мешкова было установлено, что фрагменты текста, относящиеся к альпинистской проблематике, тематически в ряде случаев перемежаются с записями-воспоминаниями, относящимися к началу 2000-х гг., и связаны с его работой в международных исследовательских центрах в Германии и Японии. В некоторых случаях автор дает ретроспективную оценку альпинистской жизни сибиряков. Верификация информации проводилась на основе опубликованных в периодической печати сведений и знакомства с текстом дневника непосредственной участницы событий – И. В. Пушкаревой, ныне Стуровой – доктора физико-математических наук, главного научного сотрудника Института гидродинамики СО РАН им. М. А. Лаврентьева. Наиболее эффективными применительно к названной совокупности материалов являются общенаучные методы анализа, синтеза, а также антропологический, социокультурный и коммуникационный подходы. В силу специфики статьи мы не рассматриваем технику восхождений, чему посвящена преобладающая часть дневниковых записей. Электронная форма источника, находящегося в сети в свободном доступе, позволяет заинтересованным читателям статьи познакомиться с дневником И. Н. Мешкова в полном объеме.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе ранее проведенного нами в соавторстве с Г. М. Запорожченко исследования социокультурного пространства новосибирского Академгородка в 1960–1980-е гг. и формирования его «первокультуры» [11, с. 69–70] можно считать развитие альпинизма в новой академической среде одной из важных составных частей трансфера культурных традиций. В Академгородок приехали из Ленинграда, Москвы ученые с туристским и альпинистским опытом. В СО АН СССР работал академик А. Д. Александров, мастер спорта СССР, известный альпинист. Сотрудники Института ядерной физики Владимир Нифонтов и Давид Константиновский – выпускники Челябинского политехнического института – были альпинистами-второразрядниками, младшими инструкторами по альпинизму. Среди молодых и активных можно назвать, прежде всего, Игоря Мешкова, выпускника физического факультета Московского государственного университета, имевшего второй спортивный разряд по альпинизму, которому к моменту приезда в Новосибирск было всего 23 года (дата рождения 7 января 1936 г.).

В Сибирском отделении И. Н. Мешков начал работать в 1959 г. и прошел все ступени научной карьеры: старший лаборант, младший, старший, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией (1986–1989) Института ядерной физики СО РАН. Здесь он получил ученые степени кандидата (1970) и доктора физико-математических наук (1977). В 1963 г. начал заниматься преподавательской деятельностью в Новосибирском государственном университете в качестве ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой общей физики (1984–1986 гг.). До переезда в г. Липецк в 1989 г. для руководства Физико-Технологическим центром ИЯФ СО РАН [12, с. 332] достиг значительных научных и спортивных успехов (мастер спорта СССР – 1968, почетный альпинистский титул «Снежный барс» – 1981), стал одним из инициаторов, организаторов, участников альпдвижения в Сибирском отделении АН СССР.

Обратимся к страницам дневника И. Н. Мешкова [13]: «В Городке я сразу же начал искать выход на местных альпинистов. Оказалось, что их раз-два, да и обчёлся, причем в буквальном смысле: Два значкиста (*обладатели значка*

«Альпинист СССР» – О. Ш.) – Таня Ромашина и Эрик (Эрнест – О. Ш.) Рапопорт, и два третьеразрядника – Виктор Королев из Института математики (как и Эрик) и Гена Долгов из ИЯФа» (декабрь, 1961) [13, kv 330–001]. Для расширения альпинистского круга были установлены контакты с представителями областной секции альпинизма, возглавляемой Николаем Баженовым, который также являлся председателем альпсекции ДСО «Буревестник», куда входили и научные организации. И. Мешков пишет о приветливой встрече, взаимопонимании и разговорах о планах на лето. Вместе с тем он замечает: «Стиль жизни новосибирских альпинистов от Москвы (да и Ленинграда) отличался существенно. Регулярных тренировок не было ... Но раза три за зиму устраивали лыжные соревнования – 10 или 15 км, не больше. Мне это не нравилось, и в секции академгородка мы завели “московские” порядки – три тренировки в неделю, одна из которых в воскресенье, объемная – лыжи или кросс. Не сразу, но привилось» [13, kv 330–002].

Новосибирцы поразили Игоря песнями, которые он услышал на традиционном ежегодном вечере туристов и альпинистов: «Таких дружных и богатых репертуаром альпкомпаний мне в Москве знать не довелось», «для меня с того вечера начался как бы новый отсчет в альпеснях». В этой связи он замечает, что вообще песни в альпинизме-туризме – дело особенное, приводит многочисленные примеры и анализ песен, которые он слышал, пел, и заключает: «вообще, вся эта тема заслуживает серьезного исследования – это была идеология нескольких поколений, с начала 60-х (ох, уж эти “шестидесятники”) до начала 80-х. Потом в лагерях петь стали как-то меньше. Еще “держались” сборы и экспедиции, где сложились давние традиции и свои барды» [13, kv 330–003–007].

Весной 1962 г. группа академгородковцев приступила к тренировкам. Адаптировавшись к местным условиям, она использовала для обучения новичков азам скалолазания карьер «Борок» (под Новосибирском) и скальные выступы в районе г. Искитима. Руководителем секции и тренером стал мастер спорта кандидат геолого-минералогических наук Владимир Александрович Мартынов, неоднократно с большим уважением упоминаемый в дневнике И. Н. Мешкова.

Летом 1962 г. соановцы, уже 30 человек, в составе студенческой команды спортивного общества «Буревестник» выезжают на первый сбор в горы, а ноябре 1963 г. организуют совместно с Новосибирским государственным университетом свою первую альпиниаду в Заилийском Алатау. В этот период главным направлением становится развитие самостоятельного массового альпинизма, начато привлечение студентов НГУ. Организуется спортивная секция Объединенного спортсовета СО АН СССР, системный характер приобретает тренировочная работа по подготовке начинающих альпинистов [14].

Для достижения более высокого уровня в работе с молодежью Игорь Мешков и Виталий Панадичев решают получить специальное альпинистское образование. На их путевках, выданных Всесоюзным советом добровольных спортивных обществ профсоюзов, был начертан девиз: «Альпинизм – школа мужества» [13, kv 330–028]. Летом 1963 г. в течение 40 дней они обучаются в альпинистском лагере «Талгар» под Алма-Атой. Учеба в специальной школе состояла из большого объема теории, лекций и занятий – от истории альпинизма до медицины и не меньшего набора тренировок – переправы, скалы, лед, учеб-

ные и тренировочные восхождения разной категории сложности. Вот фрагмент воспоминаний И. Мешкова: «Экзамены я сдавал легендарному Даниле Гущину, участнику первой экспедиции на пик Сталина (он выше всех сумел подняться с Евгением Абалаковым, но из-за обморожения ног до вершины не дошел). Вопрос по истории альпинизма, один из обязательных в билете, у меня касался довоенных восхождений на Кавказе. Бодро перечисляю вершины, маршруты, Данила Иванович вдруг раздраженно спрашивает – “А имена восходителей? Что вы все – пройдена, покорена, а кем?” А я точно не помню кто там ходил. Как-то выкрутился, а потом глянул в “Спутник альпиниста” – первый траверс Безенгийской стены, Д. И. Гуцин с командой. Вот оно в чем дело. Но пятерку все-таки получил» [13, kv 330–019–022]. По окончании школы И. Н. Мешкову было присвоено звание «младшего инструктора альпинизма» и альплагерь «Талгар» прочно вошел в его жизнь.

Летом 1964 г. на сборе общества «Буревестник» в альплагере «Талгар» ядро составляла городковская секция, «подростая» за счет приехавших на работу в Академгородок Сергея Андреева из Московского энергетического института, Киры и Олега Гребенник из Уральского политехнического университета (г. Свердловск) и «городского» пополнения Владимира Клименко и Виктора Терлецкого. Впервые в сборе принял участие Анатолий Нелидов, а Виталий Панадичев, Алексей Серьезнов, Николай Бархатов и Игорь Мешков в течение двух смен проходили стажировку в качестве младших инструкторов [13, kv 330–026–027].

1965 г. Игорь Николаевич называет «Годом Чоктала» и в стихотворной форме выражает свои мысли и чувства [13, kv 330–040]:

Счет годам мы ведем по вершинам –
И тянулись Гора за Горою
Год Чоктала, год Шхары, Ушбы.
Стен отвесы, ребром высоты
В те года, прочь сомненья отринув,
Чтоб во снах нам являлась...
Отдавались мы в руки судьбы
Та достигнутая Мечта...

Действительно, в 1965 г. состоялась первая экспедиция спортсменов из Новосибирска, организованная по инициативе альпсекции Академгородка в район Тянь-Шаня (массив Чоктал в хребте Кунгей Ала-Тоо), где Игорь Мешков, Валерий Меньщиков, Владимир Клименко, Юрий Козляев впервые прошли очень сложную северную стену главной вершины Чоктала по маршруту 5-б (одной из самых высоких категорий сложности) [14].

Популярность альпинизма в Академгородке и интеграция с новосибирскими альпинистами росла год от года, и вот, как пишет И. Н. Мешков: «Произошло нечто невероятное – обрастая как снежный ком, желание группы СОАН-НГУ выехать на Майские восхождения вылилось в Майскую Альпиниаду НОФА (*Новосибирской областной федерации альпинизма. – О. Ш.*) с количеством участников около 70!». С 1967 г. майские альпиниады стали ежегодными, позже к нам присоединились челябинцы, красноярцы и даже москвичи [13, kv 330–063].

Описывая подготовку к экспедиции в Фанские горы в 1967 г., Игорь Николаевич приводит любопытную историю. В снаряжении не доставало сигнальных ракет, их посоветовали попросить в аэропорту, и: «Тут блеснул Александр Данилович (Александров – О. Ш.) бороду вперед, мы – ученые из Академгородка, академик Александров, профессор Мешков, профессор Андреев – помогите! Экспедиция срывается!» [13, kv 330–065]. На руководителя полетов, видимо, повлияли ученые звания альпинистов, и они «за спасибо», получили 30 зеленых и десяток красных ракет. Далее в дневнике дается подробное, включая особенности общения с местным таджикским населением, описание хода экспедиции [13, kv 330–066–072], в результате которой одна из безымянных вершин Фанских гор была названа в честь Сибирского отделения Академии наук СССР – пиком СО АН (4750 м) [14]. «Матчинская эпопея (речь идет о крупной экспедиции в малоизведанный район высокогорного узла Матча, входящего к северу от Туркестанского и Алайского хребтов в состав Киргизии, а к югу в состав Таджикистана, с привлечением сотрудников Института физиологии СО АН СССР – О. Ш.), первооткрывательство вершин и маршрутов стало своего рода идеологией альпсекции Академгородка» – заключает И. Н. Мешков [13, kv 330–075].

Необходимость концентрации средств и оборудования, организации крупных экспедиций в малоизведанные горные районы и взаимодействие с зарубежными альпклубами Болгарии, Польши, а также накопленный опыт по развитию альпинизма и увеличение числа занимающихся этим видом спорта дает основание Бюро секции альпинизма спортклуба СО АН СССР в 1969 г. принять решение о создании филиалов секции альпинизма при НГУ и Советском РК ВЛКСМ, объединив их общее руководство в альпклубе «Вертикаль».

Следует отметить расхождение дат в официальной информации о дате создания клуба «Вертикаль» – 25 февраля 1962 г. [14] и записи в дневнике И. Н. Мешкова. Он, в частности, пишет: «Зима 1970-го года отмечена была рождением альпклуба «Вертикаль». Клуб организовался, а название долго не могли придумать. И вот решение пришло экспромтом: на вопрос кого-то из журналистов или спортначальства – «А как Ваш клуб называется?» – Тамара Тамбург, наша активная разрядница, недолго думая, выпалила «Вертикаль!» Так и пошло с тех пор» [13, kv 330–086]. Дневник И. Н. Мешкова заканчивается описанием юбилейного вечера в Доме Ученых, посвященного 10-летию альпсекции (*подчеркнуто И. Н. Мешковым. – О. Ш.*) [13, kv 330–108]. Для уточнения даты создания клуба «Вертикаль» предстоит дальнейшая работа по выявлению соответствующих документальных свидетельств в других архивах. По данным, приведенным Э. Подалко, заместителем директора спортуправления СО АН СССР, в 1972 г. коллектив «Вертикали» насчитывал более 150 человек: 11 мастеров и кандидатов в мастера спорта и 70 разрядников. Среди них: академик, мастер спорта СССР А. Д. Александров, 3 доктора наук, 20 кандидатов наук, стажеры, инженеры, аспиранты, студенты, рабочие [14].

По сложившейся традиции в большом зале Дома Ученых альпинисты рассказывали о лучших восхождениях года. И хотя ежегодно в горы выезжали около ста спортсменов, зал, рассчитанный на тысячу мест, с трудом вмещал всех желающих услышать об альпинистских экспедициях. За двадцать лет небольшая секция альпинистов Академгородка выросла в альпинистский клуб

«Вертикаль» (объединивший не только ученых, но и студентов Новосибирского университета). Члены клуба выполняли уникальную работу, очень близкую по своему характеру к научным исследованиям – осваивали новые районы восхождений, в т. ч. и для создания филиалов главных альпинистских лагерей страны. Гордостью жителей Академгородка стало появление новых географических названий пиков: СО АН, Новосибирск, Алексея Федченко, а также присвоение шести сотрудникам институтов СО АН СССР, покорившим вершины всех четырех пиков – семитысячников на территории Советского Союза: Коммунизма, Победы, Ленина и Евгении Корженевской, почетного звания «Покоритель высочайших гор СССР» [2, с. 93]. Обладателями неофициального альпинистского титула «Снежный барс» стали: Игорь Мешков, Кира Гребенник, Владимир Прокопенко, Анатолий Мардежев, Эрнест Раппопорт, Равиль Хусаинов (посмертно) [15].

Заключение. Альпинизм как вид спорта, объединяющий интеллектуальные, физические способности человека, с высокой эмоционально-волевой составляющей, получил в Новосибирском научном центре в 1960–1980-е гг. достаточно широкое распространение. Этому, несомненно, способствовала атмосфера креативной «первокультуры» Академгородка, общественный интерес и лидерские качества молодых ученых. Дневник активного участника альпинистского движения, одного из организаторов клуба «Вертикаль», достигшего вершин в науке и спорте, И. Н. Мешкова является уникальным источником для создания социокультурной истории Сибирского отделения РАН, популяризации этого вида спорта в молодежной среде, мотивации к достижению успеха во всех сферах жизнедеятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Студенин Б. А., Муленкова Г. А.** Альпинизм – школа мужества. – Алма-Ата: Рауан, 1991. – 159 с.
2. **Мардежев А., Мешков И.** Как добыть голову барса // Наука в СССР. – 1983. – № 6. – С. 92–129.
3. **Захаров П. П., Мартынов А. И., Жемчужников Ю. А.** Альпинизм. Энциклопедический словарь. – М.: ТВТ Дивизион, 2006. – 744 с.
4. **Кавуненко В. Д.** Как будут без нас одиноки вершины. – Изд-во Зимородок, 2005. – 256 с.
5. «Как в горах, так в жизни – только вверх!» [Электронный ресурс] // Наука в Сибири. – 1972. – URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_16002 (дата обращения: 02.02.2023).
6. **Пястик Д. Н.** Психология альпинизма. – Изд. система Ridero. – 2022. – 210 с.
7. **Пястик Д. Н.** Психология альпинизма [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/book/diamar-naumovich-pyasik/psihologiya-alpinizma-67689332/chitat-onlayn/> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Альпинизм – школа мужества ... и замужества! [Электронный ресурс]. – URL: <https://rais.livejournal.com/474819.html> (дата обращения: 22.03.2023).
9. Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=aff212e2-fbb4-413d-981d-23a66a74b8ce> (дата обращения: 23.05.2023).
10. Открытый архив СО РАН. Фонд клуба «Вертикаль» [Электронный ресурс]. – URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_15986 (дата обращения: 23.03.2023).
11. **Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н.** От «Золотой долины» к «Кремниевой тайге»: векторы культурной памяти // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 3 (76). – С. 66–75.
12. Мешков Игорь Николаевич // Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав. 2 т. Т. 1. Действительные члены / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Н. А. Куперштох [и др.]; отв. ред. В. Н. Пармон. – 2-е изд. перераб. и доп. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – С. 331–332.

13. Дневник одного из организаторов клуба «Вертикаль» И. Н. Мешкова о событиях 1961–1972 гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Kv_1005 (дата обращения: 25.03.2023).
14. **Подалко Э.** Горы, люди, годы // За науку в Сибири. – 1972. – № 7 (538). – С. 6.
15. Как стать «Снежным барсом» // За науку в Сибири. – 1982. – № 16 (1017). – С. 8.

REFERENCES

1. Studenin B. A., Mulkova G. A. *Mountaineering – a school of courage*. Alma-Ata: Rauan, 1991, 159 p.
2. Mardezhov A., Meshkov I. How to get a leopard's head. *Science in the USSR*, 1983, no. 6, pp. 92–129.
3. Zakharov P. P., Martynov A. I., Zhemchuzhnikov Yu. A. *Mountaineering. Encyclopedic Dictionary*. M.: TVT Division, 2006, 744 p.
4. Kavunenko V. D. *How lonely the peaks will be without us*. Kingfisher Publishing House, 2005, 256 p.
5. "As in the mountains, so in life – only upward!" *Science in Siberia*, 1972, URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_16002 (access date: 02.02.2023).
6. Pyasik D. N. *Psychology of mountaineering*, Ed. Ridero system, 2022, 210 p.
7. Pyasik D. N. *Psychology of mountaineering* URL: <https://www.litres.ru/book/diamar-naumovich-pyasik/psihologiya-alpinizma-67689332/chitat-onlayn/> (accessed March 20, 2023).
8. *Mountaineering is a school of courage... and marriage!* URL: <https://rais.livejournal.com/474819.html> (date accessed 03/22/2023).
9. *Presidential Grants Fund*. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=aff212e2-fbb4-413d-981d-23a66a74b8ce> (access date: 05/23/2023).
10. *Open archive of the SB RAS. Fund of the club "Vertical"* URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_15986 (date of access: 03/23/2023).
11. Zaporozhchenko G. M., Shelegina O. N. From the "Golden Valley" to the "Silicon Taiga": vectors of cultural memory. *Ural Historical Bulletin*, 2022, no. 3 (76), pp. 66–75.
12. Meshkov Igor Nikolaevich. *Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Personal composition. 2 t. T. 1. Active members / comp. N.N. Ablazhey, S.A. Krasilnikov, N.A. Kupershtokh et al.; resp. ed. V. N. Parmon*, 2nd ed. reworked and additional. Novosibirsk: SB RAS, 2022, pp. 331–332.
13. *Diary of one of the organizers of the "Vertical" club, I. N. Meshkov, about the events of 1961–1972*. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Kv_1005 (access date: 03.25.2023).
14. Podalko E. Mountains, people, years. *For science in Siberia*, 1972, no. 7 (538), pp. 6.
15. How to become a "Snow Leopard". *For science in Siberia*, 1982, no. 16 (1017), pp. 8.

Информация об авторе

О. Н. Шелегина, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, oshelegina@yandex.ru

Information about the author

Olga N. Shelegina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, oshelegina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2023 The article was submitted 20.05.2023

Одобрена после рецензирования 22.06.2023 Approved after reviewing 22.06.2023

Принята к публикации 05.09.2023 Accepted for publication 05.09.2023

РАЗДЕЛ V. ДИСКУССИИ

PART V. DISCUSSIONS

Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1

Cultural and anthropological research. 2023. № 1

Обзорная статья

УДК 130.3+316.7+327

Концептуальные основы и результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы: в горизонте реализации советской модели евразийской интеграции

Попков Юрий Владимирович¹, Анжиганова Лариса Викторовна², Бегалинова Калимаш Капсамаровна³, Кефели Игорь Федорович⁴, Овчинников Алексей Алексеевич⁵, Пфаненштиль Иван Алексеевич⁶, Сегал Александр Петрович⁷, Филиппов Сергей Иванович⁸, Черных Сергей Иванович⁹, Шумков Андрей Арнольдович¹⁰, Изгарская Анна Анатольевна^{1,11}, Доржу Зоя Юрьевна¹², Цоожуу Ханият¹³

¹Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия

²Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

³Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

⁴Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

⁵СОШ №148 Купинского района, Новосибирская область, Россия

⁶Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

⁷Московский государственный университет, Москва, Россия

⁸Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

⁹Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

¹⁰Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹²Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

¹³Институт исследований монгольского Алтая, Улан-Батор, Монголия

© Попков Ю. В., Анжиганова Л. В., Бегалинова К. К., Кефели И. Ф., Овчинников А. А., Пфаненштиль И. А., Сегал А. П., Филиппов С. И., Черных С. И., Шумков А. А., Изгарская А. А., Доржу З. Ю., Цоохуу Х., 2023

Аннотация. Статья составлена по материалам совместного заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук «Соединяем пространства» и научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири» с международным участием (24 декабря 2022 г.). Мероприятие было посвящено 100-летию со дня образования СССР. Доктор философских наук, профессор Ю. В. Попков в своем докладе раскрыл основные результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы, которые были рассмотрены сквозь призму советского опыта национального строительства и перспектив евразийской интеграции. В докладе обращено внимание на оригинальность постановки многих научных вопросов, касающихся изучения этнического феномена, фиксации не только отдельных явлений общественной жизни, но и закономерностей развития в рассматриваемой области, связь фундаментальных и прикладных разработок, востребованность результатов новосибирских этносоциологов со стороны органов управления. Профессор отстаивает вывод, что СССР – реализованная на практике высшая форма евразийской интеграции, и обосновывает необходимость использования идей основоположников евразийства для выстраивания приоритетов внутренней и внешней российской государственной политики, которые были бы адекватными крайне сложной и противоречивой текущей ситуации. Это, прежде всего, обустройство самой России и приоритет внутриевразийской интеграции по линии трансграничных взаимодействий. Ю. В. Попков подчеркнул тесные научные связи ученых из Новосибирска с коллегами из регионов Сибири и Монголии. Обсуждение доклада проходило в форме полемики, что позволило участникам глубже раскрыть проблематику евразийской концепции на современном этапе и найти общие основания для последующей работы.

Ключевые слова: этносоциология; Новосибирская научная этносоциологическая школа; этносоциальные процессы; СССР; евразийство; евразийское социокультурное пространство; евразийская интеграция; Сибирь

Для цитирования: Попков Ю. В., Анжиганова Л. В., Бегалинова К. К., Кефели И. Ф., Овчинников А. А., Пфаненштиль И. А., Сегал А. П., Филиппов С. И., Черных С. И., Шумков А. А., Изгарская А. А., Доржу З. Ю., Цоожуу Х. Концептуальные основы и результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы: в горизонте реализации советской модели евразийской интеграции // Культурно-антропологические исследования. – 2023. – № 1. – С. 49–86.

Conceptual foundations and research results of the Novosibirsk scientific ethnosociological school: in the horizon of implementation of the soviet model of eurasian integration

Popkov Yuri Vladimirovich¹, Anzhiganova Larisa Viktorovna², Begalinova Kalimash Kapsamarovna³, Kefeli Igor Fedorovich⁴, Ovchinnikov Alexey Alekseevich⁵, Pfanenstil Ivan Alekseevich⁶, Segal Alexander Petrovich⁷, Filippov Sergey Ivanovich⁸, Chernykh Sergey Ivanovich⁹, Shumkov Andrey Arnoldovich¹⁰, Izgarskaya Anna Anatolevna^{1,11}, Dorzhu Zoya Yuryevna¹², Tsoozhuu Haniyat¹³

¹Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPPR SB RAS), Novosibirsk, Russia

²Khakass State University named after N. F. Katanova, Abakan, Russia

³Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

⁴North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), St. Petersburg, Russia

⁵Secondary general education school 148, Kupinsky district, Novosibirsk Region, Russia

⁶Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

⁷Moscow State University, Moscow, Russia

⁸Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

⁹Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

¹⁰St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanova (Lenina), St. Petersburg, Russia

¹¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

¹²Tuva State University, Kyzyl, Russia

¹³Institute for Mongolian Altai Research, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. The article was compiled based on materials from a joint meeting of All-Russian Scientific Webinar on the Problems of Social and Human Sciences «Connecting Spaces» and Scientific Seminar «Ethno-social Processes in Siberia» with International Participation (24 December 2022). The scientific event was dedicated to the 100th anniversary of the USSR. Dr. Philosophy Sciences, Professor Yu. V. Popkov in his report revealed the main results of the research of the Novosibirsk scientific ethno-sociological school, which were considered through the prism of the Soviet experience of nation-building and the prospects for Eurasian integration. The speaker drew attention to the originality of posing many scientific questions related to the study of the ethnic phenomenon, fixing not only individual phenomena of social life, but also the patterns of development in the area under consideration, the connection between fundamental and applied developments, and the demand for the results of Novosibirsk ethnosociologists from the side of government. The professor argues that the USSR was the highest form of Eurasian integration, implemented in practice, and substantiates the need to use the ideas of the founders of Eurasianism to build priorities for domestic and foreign Russian state policy, adequate to the extremely complex and contradictory modern situation. First of all, the development of Russia and consistent intra-Eurasian integration through cross-border interactions are necessary. Yu. V. Popkov emphasized the close scientific ties of scientists from Novosibirsk with colleagues from the regions of Siberia and Mongolia. The discussion of the report took place in the form of polemics, which allowed the participants to reveal more deeply the problems of the Eurasian concept at the present stage and find common grounds for further work.

Keywords: ethnosociology; Novosibirsk scientific ethnosociological school; ethnosocial processes; USSR; Eurasianism; Eurasian sociocultural space; Eurasian integration; Siberia

For citation: Popkov Yu. V., Anzhiganova L. V., Begalinova K. K., Kefeli I. F., Ovchinnikov A. A., Pfanenshtil I. A., Segal A. P., Filippov S. I., Chernykh S. I., Shumkov A. A., Izgarskaya A. A., Dorzhu Z. Y., Tsoohuu H. Conceptual foundations and research results of the novosibirsk scientific ethnosociological school: in the horizon of implementation of the soviet model of eurasian integration. *Cultural and anthropological research*, 2023, no. 1. pp. 49–86.

Докладчик: главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН), профессор, руководитель научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири» Юрий Владимирович Попков.

Зарегистрировавшиеся участники: д-р пед. наук, профессор *Абрамова Мария Алексеевна*; д-р филос. наук, профессор *Анжиганова Лариса Викторовна*

на; д-р филос. наук, профессор *Бегалинова Калимаш Капсамаровна*; д-р филос. наук, доцент *Береговая Оксана Александровна*; канд. филол. наук, доцент *Везнер Ирина Анатольевна*; канд. филос. наук, доцент *Веркутис Михаил Юрьевич*; канд. физ.-мат. наук, доцент *Вертгейм Лев Борисович*; старший инженер *Гришаева Валентина Николаевна*; аспирант *Гордейчик Екатерина Александровна*; д-р ист. наук, профессор *Доржу Зоя Юрьевна*; д-р филос. наук, профессор *Ерохина Елена Анатольевна*; канд. филос. наук *Зозулина Мария Рудольфовна*; д-р филос. наук, профессор *Кефели Игорь Федорович*; канд. филос. наук *Костюк Всеволод Григорьевич*; аспирант *Литошенко Иван Федорович*; аспирант *Лукьянов Николай Евгеньевич*; канд. полит. наук, д-р социол. наук *Маклашова Елена Гавриловна*; д-р ист. наук, профессор *Недзелюк Татьяна Геннадьевна*; учитель истории высшей квалификационной категории *Овчинников Алексей Алексеевич*; канд. филос. наук, доцент *Петров Владимир Валерьевич*; д-р филос. наук, профессор *Плебанек Ольга Васильевна*; канд. ист. наук, доцент *Прошин Владимир Алексеевич*; д-р филос. наук, профессор *Пфаненштиль Иван Алексеевич*; канд. филос. наук *Петропавловский Алексей Викторович*; педагог-психолог высшей квалификационной категории, аспирант *Плющаев Иван Анатольевич*; д-р полит. наук, профессор *Родионов Владимир Александрович*; канд. филос. наук *Сегал Александр Петрович*; канд. филос. наук *Тарбастаева Инна Семеновна*; д-р ист. наук, профессор *Тугужекова Валентина Николаевна*; д-р филос. наук *Тюгашев Евгений Александрович*; канд. филос. наук *Ушаков Дмитрий Викторович*; д-р филос. наук, доцент *Тюгашев Евгений Александрович*, канд. филос. наук *Филиппов Сергей Иванович*; магистр филол. наук *Хишигдулам Нанжидмаа*; д-р физ.-мат. наук, профессор *Цоохуу Хинаят*; аспирант *Цурганов Виталий Леонидович*; д-р филос. наук, доцент *Черных Сергей Иванович*; канд. филос. наук *Шакирова Светлана Махмутовна*; д-р филол. наук, доцент *Шумков Андрей Арнольдович*; канд. филос. наук, доцент *Яковлева Ирина Владимировна*, магистрант *Чуглаева Анастасия Юрьевна*; магистрант *Шарифуллина Наталья Викторовна*; д-р филос. наук *Изгарская Анна Анатольевна*.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Начинаем работу нашего вебинара. Прежде всего, давайте поздравим Береговую Оксану Александровну, она сегодня получила подтверждение о присуждении ей ученой степени доктора философских наук. Сердечно поздравляю Вас, Оксана Александровна, с этим важным событием!

Переходя к теме нашей сегодняшней встречи, я должна отметить, что мероприятие посвящено 100-летию со дня образования Союза Советских Социалистических Республик, и мы его проводим совместно с научным семинаром «Этносоциальные процессы в Сибири» Института философии и права СО РАН. Гостей у нас сегодня много, я не со всеми знакома и поэтому мы будем модерировать мероприятие вместе с руководителем семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», главным научным сотрудником отдела социальных и правовых исследований ИФПР СО РАН, доктором философских наук, профессором Юрием Владимировичем Попковым, он же у нас сегодня является докладчиком. Передаю ему слово для доклада на тему «Концептуальные основы и результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы: в горизонте реализации советской модели евразийской интеграции».

Попков Ю. В. Здравствуйтесь, дорогие коллеги! Очень приятно видеть вас всех, в том числе своих друзей и знакомых из регионов Сибири – соратников

по нашему семинару и совместным исследованиям! Особо рад приветствовать профессора Х. Цоохуу из Монголии, с которым мы давно дружим, организовали две российско-монгольские социологические экспедиции, подготовили совместную книгу «Монгольский мир: между Востоком и Западом» [13]. Отдельные результаты первой экспедиции вошли также в монографию «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» [6].

Прежде чем перейти непосредственно к докладу, я хотел бы сделать несколько вводных замечаний. Во-первых, в своем выступлении я буду опираться на результаты исследований, многие из которых являются итогом коллективных усилий представителей Новосибирской этносоциологической школы [6; 12; 13; 16; 19; 24; 25; 32]. Особенно это касается результатов экспедиционных, эмпирических исследований, которые невозможно сделать в одиночку. Коллективная работа – это один из центральных принципов нашей школы. Во-вторых, опираясь на данные, полученные в коллективной работе, буду излагать в основном собственные их интерпретации. Присутствующие здесь мои коллеги могут дополнить мое выступление, излагая свою позицию, а также обратить внимание на проблемы, не отраженные в докладе. Третий момент, который я должен отметить, это то, что акцент будет сделан на наиболее значимых и наиболее общих вопросах.

Сегодня буду говорить о теме, которая, казалось бы, слабо связывает три заявленных в названии сюжета, три предметных области, а именно: этносоциологию, Союз Советских Социалистических Республик и евразийскую интеграцию. Но наша школа во многом наследует советские научные традиции, я сам до сих пор считаю себя советским человеком по многим своим характеристикам. А что касается постсоветского периода, то область исследований нашей школы была здесь тесно связана с евразийской тематикой. Таким образом, все три обозначенных сюжета логично согласуются между собой.

Являясь руководителем научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», могу констатировать, что этносоциальная тематика является центральной для наших исследований, мы ее сохранили в таком виде с момента организации семинара в 1995 году. Данный подход позволяет исследовать не только отдельные явления, не просто фиксировать их, а выявлять тенденции развития, что, на мой взгляд, является весьма значимым теоретико-методологическим ориентиром, далеко не всегда присутствующим в изучении этнической тематики. Многие результаты нашей работы, скажу, не боясь показаться нескромным, не имеют аналогов в других школах этносоциологии.

Цель доклада заключается в том, чтобы познакомить вас с наиболее значимыми наработками нашей школы, а также привлечь внимание к этносоциологии как таковой, потому что в последнее время, как я это оцениваю, есть некоторые тревожные тенденции. Дело в том, что ведущий в России академический институт, специализирующийся на этнической тематике, а именно Институт этнологии и антропологии РАН, в последнее время взял четкий курс на уход в антропологию. Это ярко выраженная доминирующая тенденция. По сути, любая проблема рассматривается с точки зрения антропологии (я это называю антропологией всего). На эту тему публикуется много книг, проводится большое количество конференций, семинаров. Места для этносоциологии остается все меньше. Леокадия Михайловна Дробижева, одна из основателей нашего

научного направления, в своих последних статьях тоже выражала тревогу по этому поводу. Академик Валерий Александрович Тишков, очень влиятельный человек и в науке, и в политике, который постоянно подчеркивает, что он является сторонником социального конструктивизма, в одном из своих недавних докладов сказал: «Какие слова мы произносим, такую реальность и формируем». Мы с ним являемся оппонентами по многим методологическим вопросам, но должен признать, что по отношению к сложившейся ситуации, он прав. Если постоянно говорить и писать об антропологии, то одна антропология и останется. На самом деле, надо также не забывать, что есть и этносоциология – со своим предметным исследовательским полем, своими методологическими и методическими средствами. Представители нашей школы опубликовали много книг и статей по этносоциологии, в том числе, отстаивая эту позицию. В этом году мы издали в Институте философии и права брошюру, которая представляет нашу этносоциологическую школу (она есть в Интернете) [17]. Хотел бы выразить благодарность моим соавторам – Всеволоду Григорьевичу Костюку и Ольге Алексеевне Персидской. Особо подчеркну, что благодаря Ольге Алексеевне работа получилась еще и очень хорошо оформленной.

Должен сделать еще одно замечание к докладу: все, о чем я буду сегодня говорить, это, по своей сути, продолжение той дискуссии, которая была начата, во-первых, на предыдущем нашем вебинаре с глубоким и содержательным докладом Игоря Федоровича Кефели [18], во-вторых, на предыдущих заседаниях семинара «Этносоциальные процессы в Сибири» с докладами моих коллег: Дмитрия Викторовича Ушакова в октябре (он рассказывал про экспедицию в Монголию) и Елены Анатольевны Ерохиной в декабре (она делала доклад о советском опыте модернизации). Со многими идеями и И. Ф. Кефели, и Е. А. Ерохиной, и Д. В. Ушакова я солидарен.

Теперь по существу заявленной темы.

Остается всего шесть дней до 100-летнего юбилея со дня образования СССР. Есть разные оценки советского опыта. Распространенной точкой зрения является тезис о том, что образованием СССР В. И. Ленин якобы заложил бомбу под наше государство. Я не могу согласиться с такой позицией. Он не может нести ответственность за действия его последователей, особенно далеко от него стоящих по времени. Не буду подробно говорить на эту тему, отмечу только два важных момента. Во-первых, получается, что, например, провозглашение государственного суверенитета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 12 июня 1990 года не является заложеной бомбой, а создание СССР является такой бомбой. Замечу при этом, что 12 июня у нас государственный праздник. Можно задать вопрос, а что мы празднуем в этот день? Начало развала Советского Союза? Это же можно и так интерпретировать. Я считаю, что В. И. Ленин собрал развалившуюся Российскую империю, и вряд ли можно было это сделать иным способом, чем тот путь, который тогда он предложил. Нельзя, конечно, идеализировать советский опыт, в нем было много и выдающегося, и трагического. Нужен объективный взгляд. Что касается позитивных моментов, то помимо хорошо известных достижений, отмечу то, на что мало обращают внимание. С высоты сегодняшнего времени опыт национально-государственного строительства 1920–1930-х гг. можно оценить как всемерная поддержка этнокультурного разнообразия, причем для этого были

мобилизованы мощные институциональные механизмы. Мировое сообщество пришло к этому – к признанию важности культурного разнообразия – только к началу третьего тысячелетия путем принятия Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.). Посмотрите на слайд, отражающий этнокультурное разнообразие Советского Союза в системе административно-государственного устройства: как видим, тогда существовало множество союзных и автономных республик и областей, национальных округов.

Я не сторонник слепой апологии СССР, но одновременно категорический противник огульных, односторонних негативных оценок, часто стимулируемых идеологическими и политическими соображениями. СССР стал одной из могущественных держав мира. Был создан такой социально-экономический и культурный потенциал, который во многих случаях до сих пор работает. Кроме того, СССР оказал фундаментальное влияние на изменение глобальных тенденций развития. Именно под воздействием нашей страны имел место так называемый феномен государства всеобщего благоденствия.

Если говорить о сфере внутреннего этносоциального развития, то хотел бы выделить несколько моментов. Советский Союз, как известно, являлся новой исторической общностью людей. Это была не просто конструкция, не просто идентичность, а именно объективно сформированная историческая общность при активном участии в этом процессе государственного управления. Этнокультурное разнообразие поддерживалось, в том числе, наличием в паспорте графы «национальность». Применительно к советскому периоду хорошо известны также принцип интернационализма и дружбы народов. Эти основополагающие для многонационального государства положения – не какие-то идеологические штампы, как об этом часто говорят. Они имели вполне осязаемое содержательное наполнение, отражали реальные интеграционные процессы. К тому же, следует говорить не только о дружбе народов, но также и об их социально-экономическом и культурном развитии.

Я считаю, что СССР – это реализованная на практике высшая форма евразийской интеграции, которая когда-либо существовала в истории.

Не буду далее углубляться в дополнительные обоснования, приведу лишь оценку советского опыта, которую в свое время давал известный советский философ, логик, социолог Александр Александрович Зиновьев, 20 лет находившийся в эмиграции на Западе (был ровесником СССР, в 2022 г. отметили 100-летие со дня его рождения). Он считал Советский Союз вершиной всей мировой истории, и в открытой лекции, которую прочитал в 2005 г. на Всероссийском философском конгрессе в МГУ, высоко оценил и советскую идеологию, и советскую философию. Это было немного неожиданно, так как все хорошо знают, что в свое время он не очень-то любил советскую власть, крайне критически к ней относился. Но сделал такие выводы, будучи хорошо знаком и с советским, и с западным опытом государственного устройства и общественного развития.

А. А. Зиновьев полагал, что развал СССР являлся антикоммунистическим переворотом. Согласен с такой оценкой. А причиной распада страны я считаю не форму образования СССР, а предательство высшего руководства при чрезмерной бюрократизации и сформировавшейся закостенелости управления в поздний советский период. В соответствии с законом Винера-Шеннона-Эшби, управляющая система, чтобы быть эффективной, должна быть сложнее

управляемой системы. В поздний советский период все оказалось, к сожалению, совсем не так. Я думаю, что и сейчас в России мы наблюдаем несоответствие реальной ситуации в управлении закону Винера-Шеннона-Эшби. В отличие от этого, современный Китай действует иначе. Он, в частности, активно изучает наш советский опыт, в том числе и опыт негативный, включая процесс развала Советского Союза, с целью не допустить подобное у себя. Обращает на себя внимание, что на последнем Съезде КПК появились новые термины, а именно «самопреобразование» и «самореволюция». Они стараются построить систему управления таким образом, чтобы самим ее постоянно совершенствовать, а не ждать «взрыва» изнутри или организованной извне «цветной» революции.

Теперь непосредственно о Новосибирской этносоциологической школе. Инициатором этносоциологических исследований был академик А. П. Окладников. В 1966 г. образовали Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, он его возглавил. В 1968 г. создан сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири, заведующим сектором стал Владимир Иванович Бойко. Он являлся руководителем нашей школы на первом этапе ее формирования и развития (конец 1960-х – начало 1990-х гг.). Именно с того времени и начинаются эмпирические исследования. Были освоены новые методы обработки материалов статистики и результатов социологических исследований (А. Ф. Фелингер, Е. Д. Гражданников, Г. С. Гончарова). В 1970-х гг. действовал сектор социальных проблем труда и образования молодежи, которым руководил Д. Л. Константиновский, и сектор математических методов в гуманитарных исследованиях, руководителем являлся А. Ф. Фелингер. На этой основе потом образован отдел социологии института, который возглавил В. И. Бойко, впоследствии ставший первым директором ИФПР СО РАН.

В 1990-х гг. появились два новых сектора: в 1991–1997 гг. существовал сектор этнокультурных исследований под руководством Василия Васильевича Мархинина; с 1991 г. – сектор этносоциальных исследований, который работал под моим руководством. Потом, в 1997 г., В. В. Мархинин переехал в Сургут, В. И. Бойко перешел в Институт археологии, и вся организация этносоциальных исследований легла на плечи представителей нашего сектора.

Я могу выделить два основных этапа в формировании и развитии школы. Первый этап – с конца 1960-х до начала 1990-х гг. Изначально в эмпирических исследованиях использовались методические наработки московских этносоциологов под руководством Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой. Дело в том, что Ирина Викторовна Удалова пришла к нам в Институт после того, как защитила диплом по этносоциологии у Ю. В. Арутюняна. Она знала их методику, которую в значительной степени использовали наши коллеги в исследованиях Сибири. Анализировались проблемы социального развития народов Нижнего Амура, Тувы, Якутии, Хакасии, Сахалина, зоны БАМа и др. Акцент был сделан на выравнивании показателей развития в разных сферах жизни. Важно, что такой подход отражал общемировую тенденцию (мы об этом говорили на предыдущем нашем семинаре, где обсуждали советский опыт модернизации), которая определялась, в том числе, Конвенцией МОТ 1957 г. о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Я могу сказать, что, когда я был в 1989, 1991 и 1992 гг. в Канаде, где мы проводили исследования, обнаружили интересные факты: в отличие от советского опыта, там среди коренных народов

не было учителей и врачей, инуитам (эскимосам) запрещали говорить на родном языке. Там, как мне рассказывали, ликвидировали всех шаманов. Кстати, у нас шаманы сохранились, хотя и не все. В Забайкалье, во время моей первой этносоциологической экспедиции, мне рассказывали, что секретарь парткома одного поселка являлся бывшим шаманом, он продолжал шаманить, но тайно.

Характерной чертой нашей школы является связь с органами управления. В 1980-е гг. она существенно укрепилась благодаря утверждению и деятельности Региональной межведомственной комиссии Совета Министров РСФСР по координации исследований проблем развития народностей Севера. Руководителем комиссии был В. И. Бойко, ее ученым секретарем – Екатерина Ивановна Швецова. Эта комиссия существовала на базе нашего института. Много было интересного, в том числе научно-производственный эксперимент на базе оленеводческого совхоза «Томпонский» Якутской АССР. Мне довелось быть организатором научной части разработки программы этого эксперимента.

Что касается оленеводства. На фото слайда вы видите меня верхом на олене. Когда я был в Канаде, никто не верил моим рассказам о том, что я катался на олене. В Канаде олени только дикие – карибу. И самое близкое расстояние между живым оленем и человеком – это расстояние до него от прицела карабина. Можете себе представить их реакцию, когда «чужак» из Сибири к ним приезжает и говорит, что катался верхом на олене!

Второй этап – с середины 1990-х по настоящее время. Здесь в значительной степени мы базировались на идеях и методологических установках академика А. П. Окладникова. Это такие принципы, как: всеобщая взаимосвязь явлений материальной и духовной жизни; взаимообусловленность процессов этногенеза и культурогенеза; глобальный контекст; акцент на локусе евразийского социокультурного пространства. И начиная с 1990-х гг. этот ориентир мы сохраняем.

Относительно проблематики. Обобщенным объектом анализа для представителей школы является в этот период этнический феномен как объективное явление в его социальном измерении, динамике устойчивости и изменчивости, диалектике объективного и субъективного. Наш подход нашел отражение в рассмотрении этносоциальных процессов как доминирующей предметной области исследований. Мы также базируемся на признании важной роли взаимодействия этносоциальных субъектов, которые не сводятся к отдельно взятому человеку, есть коллективные субъекты, действующие во всемирно-историческом процессе, участвующие в формировании локальных цивилизаций и межэтнических сообществ. Все это реализуется через механизм процесса интернационализации, понимаемой как рефлексивное взаимодействие (не редуционистская, а рефлексивная концепция данного процесса).

Теперь несколько слов о наших общих подходах, о том, на что мы ориентируемся. А ориентируемся прежде всего на кооперацию. Каждый исследователь из нашего коллектива имеет свои наработки, свои подходы, свои пристрастия, но есть и то, что нас объединяет. Во-первых, придерживаемся схожих теоретическо-методологических разработок и эмпирических исследований. Часто не ограничиваемся эмпирическими данными, наоборот, используем их для широких обобщений как теоретического, так и методологического плана. Используем разные формы кооперации, в том числе с коллегами из других регионов, прежде всего национальных регионов Сибири. Многие наши друзья сегодня

здесь присутствуют, это коллеги из Хакасии, из Тувы, из Бурятии, а также из Монголии. Мы проводили совместные семинары, конференции, экспедиции, школы молодых этносоциологов. Многие из них являются участниками нашего международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», который действует с 1995 года, т. е. уже больше четверти века. Хочу подчеркнуть, что использование понятия «этносоциальные процессы» – это принципиальная позиция. Тем самым в рамках исследования этнического феномена мы рассматриваем более широкую предметную область, чем это предусматривается в ситуации осуществленного методологического поворота в этнологии, когда перешли от этноса к этничности, под которой чаще всего имеется в виду персональная идентичность.

Совместные исследования мы проводим не только в Сибири, но и за рубежом, например, в Канаде, в Монголии, в Казахстане. Сегодня на нашем семинаре-вебинаре присутствует доктор физико-математических наук, профессор из Монголии Х. Цоохуу. Мы большие друзья, и я ему безмерно благодарен за наше сотрудничество. Это объединение гуманитариев с представителями точных и естественных наук оказалось очень продуктивным.

Как я уже сказал, мы организовывали «Международную школу молодых этносоциологов». Одна из школ прошла в Монголии. Выпущены два сборника материалов по результатам ее проведения, редакторами выступили мы с Е. А. Ерохиной¹.

Другой важный момент состоит в том, что мы тесно сотрудничаем с органами управления, участвуем в разработке нормативных документов. Последним из таких документов, который имеет серьезное прикладное значение, стала «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального общества города Новосибирска»². Я был одним из ее разработчиков.

Названные подходы позволили получить результаты, среди которых анализ интеграционных процессов на евразийском пространстве занимает центральное место.

Этносоциологические исследования в Сибири были начаты в конце 1960-х гг. Состав сотрудников менялся, но у нас есть люди, которые работали с момента образования нашего направления. На фотографии вы видите В. Г. Костюка, Г. С. Гончарову. Они и сейчас работают в нашем коллективе.

Фундаментальной основой наших исследований является парадигма социального взаимодействия. Многие знают, что в мировой социологии на протяжении длительного времени в качестве такой основы выступала парадигма социального действия. Обратите внимание, в отличие от известной парадигмы социального действия, у нас – парадигма социального взаимодействия в его диалектико-материалистической интерпретации, в системно-генетическом измерении, в системе синхронных и диахронных (пространственно-временных)

¹ Этносоциологию – молодым: материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. – Новосибирск: Нонпарель, 2009. – Вып. 1. – 301 с.; Этносоциологию – молодым: материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. – Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2013. – Вып. 2. – 380 с.

² Постановление мэрии города Новосибирска от 10 июня 2020 г. № 1831 «О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (с изменениями на 5 мая 2021 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465737610> (дата обращения: 23.11.2022).

связей взаимодействующих сторон. Сторонами взаимодействия рассматриваются этносоциальные субъекты, т. е. этнически маркированные социальные образования как носители активности. Теоретический контекст исследования этносоциальных процессов предполагает синтез персонцентричного и социцентричного подходов к этносоциальной субъектности и этносоциальной динамике. В основе такого подхода лежит идея комплементарности методологического индивидуализма и методологического холизма к изучению этничности (которая далеко не сводится к идентичности). Надо сказать, что мы с Е. А. Ерохиной написали заявку «Этносоциальные процессы в Сибири: теория и практика» на очередной конгресс антропологов и этнологов России, который состоится в июне 2023 г. в Санкт-Петербурге, и в ней зафиксировали эти моменты³.

В качестве теоретико-методологической основы используется процессуальный подход и всемирно-исторический контекст. Используем социокультурный подход с учетом двух его базовых интерпретаций – валюативной (основанной на аксиологической концепции культуры) и рефлексивной (основанной на понимании развития общества как процесса рефлексии культур). Социокультурное понимается как социальное в его культурном разнообразии. Данный подход разрабатываем совместно с Е. А. Тюгашовым. На этой основе было написано много работ, включая разработку концепции этнокультурного неотрадиционализма как рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в единстве синхронных и диахронных связей [14].

О социокультурном неотрадиционализме среди нас впервые специально заговорила С. А. Мадюкова, которая защитила кандидатскую диссертацию на эту тему. Позднее она получила дальнейшую разработку [12; 14]. Я не буду сейчас подробно останавливаться на разъяснении данного направления, только подчеркну, что истоки неотрадиционализма находятся не только в прошлом, в традиционной культуре, но и в процессе рефлексивных межкультурных взаимодействий. Новации рождаются во взаимодействии. Представляю вам несколько снимков из повседневной жизни современной Монголии, которые иллюстрируют эффекты неотрадиционализма. Вот, например, юрта кочевников, оснащенная спутниковой антенной и солнечной батареей. А здесь – полифункциональность той же юрты. Мы с С. А. Тюгашовым называем это «мультипликативным эффектом». Это когда на основе элементов традиционной культуры могут формироваться разные практики. В данном случае гениальное изобретение кочевников – юрта – может использоваться и как жилье, и как гостиница, и как ресторан, и как конференц-зал. Аналогично этому директор кунсткамеры А. В. Головнев, изучая традиционные культуры, вводит понятие «трансформер», имея в виду, что отдельные элементы материальной культуры могут использоваться для разных целей.

Теперь я хочу вам представить монографию, которая является обобщающим результатом нашей многолетней работы, это книга «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика» [24]. Она есть в Интернет. Хочется обратить внимание, что это комплексное исследование, в нем участвовали не только этносоциологи, но также конфликтологи, специалисты по социальному картированию. Во многом на

³ Эта заявка не была утверждена программным комитетом конгресса во главе с В. А. Тишковым.

базе этих наработок, как теоретических, так и эмпирических, мы потом сделали упоминавшийся документ «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска».

Теперь относительно этносоциологии. У нас особый взгляд на предмет этносоциологии. Основной тренд, который уже состоялся в нашей сфере – это переход от этнографии к этнологии, а в последнее время – от этнологии к антропологии. Если раньше речь вели о социокультурной антропологии, то теперь – просто об антропологии. Но сохраняется и этносоциология. С точки зрения исходного представления наших московских коллег, этносоциология изучает единство этнического и социального, или социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. Мы не согласны с таким определением предмета этносоциологии. Этносоциология изучает, по нашему мнению, некоторую систему в ее процессуальном выражении – множество находящихся в рефлексивных взаимодействиях этносоциальных субъектов и конкретные результаты этого взаимодействия. Все это охватывается понятием этносоциальных процессов. То есть предметом этносоциологии являются этносоциальные процессы, взятые во всей их комплексности. В качестве элементарной эмпирической единицы (объекта) этносоциальных исследований нами рассматривается межэтническое сообщество, которое характеризует взаимообусловленное развитие отдельных этносоциальных субъектов внутри этих сообществ. Этносоциальные процессы имеют локализацию в рамках конкретных межэтнических сообществ. Мы их рассматриваем в качестве предметного поля этносоциологии и в то же время как основу цивилизационного развития и как объект государственной национальной политики. Такое представление является новым, я ничего подобного в других работах не встречал.

Важным для нас является положение о связи этносоциального и цивилизационного развития. Мы их рассматриваем как взаимообусловленные. При этом исходим из рассмотрения всемирной истории как процесса и продукта объективной и субъективной рефлексии культур и цивилизаций. Профессор Новосибирского государственного университета, д-р филос. наук В. П. Фофанов, который долгие годы являлся здесь заведующим кафедрой философии, оставил такую позицию. В этом смысле мы являемся последователями его идей, ориентируясь на синхронно-диахронное измерение данной рефлексии. Важен и принцип этнокультурной неоднородности цивилизации. Этот принцип идет от Н. Я. Данилевского, относительно того, что цивилизация тем «разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, т. е. народности, входящие в образование типа» [3]. Это так и есть, мы считаем, что в основе развития цивилизации лежат этносоциальные процессы, а базисом формирования отдельных локальных цивилизаций является конкретный межэтнический синтез. Используем также понятие «этносфера цивилизации», введенное Л. Н. Гумилевым. Понимаем ее как систему, процесс и продукт взаимодействий этносоциальных субъектов. И здесь опять имеет место социальная рефлексия. У нас есть целая серия публикаций, посвященных взаимообусловленности этносоциальных и цивилизационных процессов (см., например [6; 19; 33]). Хотелось еще обратить ваше внимание на последнюю монографию, написанную совместно с коллегами из г. Барнаула «Цивилизационная миссия Сибири: от

техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» [32].

Специально следует отметить еще одну книгу, она была издана более десяти лет назад «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» [6]. Авторами являются не только новосибирцы, но и коллеги из Барнаула, а также из Монголии. Я хотел бы здесь обратить внимание, что у евразийцев встречается два понимания Евразии. Одни говорят, что Евразия это и Европа, и Азия, другие понимают ее как ни Европа, ни Азия. В этой коллективной монографии мы теоретически обосновали и эмпирически подтвердили тезис о том, что этносоциальные общности Сибири и сопредельных территорий внутренней Евразии интегрированы в цивилизационные взаимодействия в составе евразийского социокультурного мира, для которого специфичны ценности воли (вольной самоорганизации), творческого взаимодействия (интеграции культур), братства народов (побратимство), пограничности бытия («открытого бытия-на-границе»). Одна из характерных особенностей России состоит в том, что ее культура в целом, можно сказать, пограничная. А пограничность предполагает трансграничность, т. е. преодоление границ.

Позволю себе показать вам ряд фотографий, часть из них сделал Ю. М. Плюснин, часть – я сам. Речь идет об уникальном случае, когда мы с ним и с Владимиром Семёновичем Золототрубовым вместе с ребятами-эвенами строили в якутской тайге изгородь. Полтора месяца мы были участниками процесса включенного наблюдения. И очень много смогли узнать об особенностях культуры и поведения представителей местной традиционной культуры.

Далее идут фотографии, сделанные в процессе проведения Международной школы молодых этносоциологов. Первую школу мы организовали на Алтае на реке Катунь. Вторая прошла в Хакасии, а третья была в Монголии. И только четвертую школу провели в Новосибирске.

Это фотографии участников семинара «Этносоциальные процессы в Сибири». Его проводили с разными соорганизаторами, и не только в Новосибирске, а в разных городах, поэтому он по праву называется кочующим. В 1997 г. он был в Хакасии, главным организатором здесь выступила Валентина Николаевна Тугужекова. В 1998 г. он состоялся в Туве по инициативе и при организационных усилиях Зои Юрьевны Доржу. Обе они присутствуют на сегодняшнем мероприятии. Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить их за эти инициативы. В 2005 г. наш семинар состоялся в Санкт-Петербурге в рамках Конгресса этнологов и антропологов (тогда он так назывался, сейчас в названии конгресса на первом месте стоят антропологи). На фото группа участников семинара, в том числе нынешний директор Кунсткамеры Андрей Владимирович Головнев. В 2007 г. семинар проходил в Казахстане. По сути это была большая международная конференция. В последние годы семинар дважды опять возвращался в Туву и проходил в рамках Международной конференции «Центрально-азиатские исторические чтения» под руководством З. Ю. Доржу.

Теперь хочу остановиться на проблемах национальной политики. Считаю, что об этом важно сказать. Дело в том, что в 2018 г. были внесены поправки в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации

на период до 2025 года⁴, но не все актуальные вопросы нашли в ней отражение. Прошло уже 4 года. Скоро должны быть внесены новые поправки, и я считаю, некоторые концептуальные проблемы необходимо поднять при их обсуждении. Бывший министр по делам национальностей Владимир Юрьевич Зорин в одной из последних своих публикаций из всех проблем в этой области выделил единственный концептуальный вопрос – концепт о российской нации (трактуемой в гражданско-политическом смысле). Этот вопрос воспринимается им в качестве серьезной идеологической новации, а также прорывного направления отечественной политологической мысли. Он считает, что реализация данного концепта, включая его активную пропаганду, рассматривается как главный ресурс формирования гражданского единства и целостности России [5]. С одной стороны, это кажется правильной установкой, но с другой стороны, давайте посмотрим, что понимается под нацией? Валерий Александрович Тишков дает такое определение: нация – «это, прежде всего, форма коллективного сознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они считают нацией» [27, с. 9]. То есть она есть не то, что в реальности существует, а ограничивается сферой сознания, т. е. то, что люди думают по поводу некоторых вещей. И дальше он продолжает: «это инструмент достижения коллективной мобилизации и солидарности гражданских или этнических сообществ для обретения ими суверенного статуса, обеспечения безопасности, организации власти и социального порядка, сохранения и развития культуры»⁵.

Получается, что эта конструкция о знании в квадрате. И в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, во второй редакции, если внимательно читать, говорится примерно в подобном ключе: российская нация – это сообщество граждан (замечу, что здесь акцент не на сообществах, а на гражданах), обладающих одной качественной характеристикой – гражданским самосознанием.

Я считаю, что это либерально-конструктивистско-инструменталистская трактовка нации, поскольку здесь нет речи о ее онтологических основаниях, а также собственно и о политической общности. Эмиль Абрамович Паин тоже критически это все оценивает. Получается, подчеркивает он, что нация – это благопожелание.

Иногда, когда речь идет о российской нации, говорят, что это то же самое, что и советский народ. С этим нельзя согласиться. Советский народ – это, согласно общепризнанной трактовке, историческая общность, она определенным образом формировалась благодаря определенным механизмам, а российская нация, как это представлено в официальных документах, по сути, есть предписанная идентичность. Такая трактовка российской нации является достаточно ограниченной. И требуется обсуждение целой серии более глубоких и тонких аспектов и проблем при рассмотрении нации, в частности, ее сопоставление с государством, гражданством, причем, гражданство можно в разных смыслах понимать: и просто как формальный юридический статус, и как участие. Это разные вещи.

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 24.01.2017.

При этом, скажем, проблема социального неравенства вообще нигде и никак не затрагивается, в то время как она, вернее, ее преодоление, является фундаментальной для формирования единства нации. Если нет равенства, как обеспечить единство? Очень сложно! Очевидно также, что применительно к России как федеративному государству важное значение имеет учет и различие существования двух типов наций – федеративных и унитарных, поскольку формирование общенационального единства имеет свою специфику в каждом из них. Стоит заметить в этой связи, что в 1990-е гг. о федеративности говорили, даже Министерство было по делам национальных и федеративных отношений. Сейчас о федеративном устройстве и о его особенностях вообще ничего не говорится, к сожалению.

Еще одна проблема – престиж власти как фактор укрепления общенационального единства. Мы, вслед за исследованием под руководством Л. М. Дробижевой и по ее методике, проводили в Новосибирске такое же исследование и выявили диссонанс общественного запроса в области основных направлений государственной политики и реальной практики власти. То, в чем люди испытывают потребность, говоря о государственной политике, например, в обеспечении благосостояния народа, законности и порядка в стране, справедливости в обществе, не находит должного отражения в реальной политике. Это видно на слайде: именно удовлетворение этих потребностей люди считают очень важным и в то же время полагают, что государство уделяет именно этим вопросам недостаточно внимания. Но на официальном уровне о данной проблеме не говорят.

Еще серьезным концептуальным вопросом я считаю понимание этнокультурного многообразия. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года это многообразие определяется как совокупность этнических культур. А кто носители, кто субъекты многообразия? Не совсем понятно, не поясняется. Но есть неявный ответ на этот важный вопрос, и он опять звучит в либерально-конструктивистском ключе. Вот одно из определений основных понятий Стратегии – «народы, национальности, этнические общности – национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность»⁶. Получается, что это проявление даже не идентичности, а самоидентификации. Потому что идентичность предполагает не только то, как ты сам себя осознаешь, но и то, как тебя воспринимают со стороны. Неслучайно у нас по переписи 2010 г. и хоббиты, и эльфы появились в качестве национальностей. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО культурному разнообразию дается более предпочтительная трактовка, потому, что там в качестве субъектов определяются не только отдельно взятые люди, но и группы и сообщества. Это принципиально важно, поскольку этнические культуры и языки не могут сохраняться и развиваться на уровне отдельно взятого индивида, это возможно только в пространстве коллективного существования. Кроме того, этнокультурное разнообразие проявляется в системе ценностей, традиций, моделей поведения, образа жизни и т. д., а не только в идентичности. И отсюда вытекает важность коллективных прав эт-

⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.12.2022).

нических сообществ как необходимого условия поддержки этнокультурного разнообразия и как атрибут национальной политики. Мы на этом настаиваем и считаем, что проблема коллективных прав должна быть отражена в национальной политике.

На следующем слайде отражены концептуальные вопросы, которые, на мой взгляд, требуют обсуждения. Это следующие вопросы: о методологической основе и объекте национальной политики; ее базовых региональных моделях; содержании и типологии этнокультурного разнообразия; о субъектах этнокультурного разнообразия; об элементарных единицах этнокультурного национального единства; о содержании и приоритетах политики идентичности.

Про идентичность в Стратегии речь идет только применительно к гражданству или, вернее, общенациональной идентичности. Про этническую там вообще ничего не говорится. На самом деле эта проблема есть и, я считаю, что государство должно объяснить свои позиции в отношении к этнической идентичности. При этом нельзя ее путать с национализмом, это другое явление. По результатам наших конкретно-социологических исследований в национальных республиках, в разных регионах, можно сделать основной вывод, что этническая, региональная, идентичность имеет важное значение в идентификационной матрице населения, поэтому ее важно учитывать.

Теперь о глобальных проблемах. Многие сейчас говорят об общецивилизационном кризисе, включая нашего Президента, но обычно речь идет в целом о мире, а про Россию в этой связи не упоминают. Хотя известно, что в России в настоящее время тоже капитализм, причем, многие его оценивают как дикий. Если мировой капитализм в кризисе, то мы этим кризисом тоже охвачены. И что нам делать в нашей капиталистической стране?

В эпоху коренных социальных трансформаций актуализируется евразийская тема. Многие об этом говорят. В частности директор института востоковедения А. К. Аликберов, мы с ним несколько раз пересекались, высказывается о том, что надо переосмыслить идеи евразийцев. Я считаю, что прежде чем переосмысливать идеи евразийцев, надо их правильно прочитать и правильно понять применительно к конкретной текущей ситуации в России. Мы с В. Г. Костюком опубликовали недавно статью, где указываем, что идеи евразийцев не потеряли своей актуальности, напротив, в текущей ситуации их актуальность возросла, они отвечают потребностям стратегического развития [16].

Теперь о проблемах стратегического развития. Основной существующий тренд – от Большой Европы к Большой Евразии. Об этом в прошлый раз говорил на нашем вебинаре И. Ф. Кефели [18]. Проект Большой Евразии, согласно Указу Президента Российской Федерации от 2016 года, по сути, охватывает пространство от Атлантики до Тихого океана, от Лиссабона до Владивостока. И сейчас проводится большое количество форумов, посвященных Большой Евразии. И публикаций огромное количество. Эта установка сохраняется в условиях кардинально изменившейся ситуации после начала специальной военной операции. И в этом плане заслуживают внимания итоги работы II Международной конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия», которая прошла 12–14 декабря 2022 г. у нас в Академгородке. Она организована Институтом экономики и организации промышленного производства совместно с Президиумом СО РАН. Это была очень представитель-

ная конференция, ее участники вынесли на обсуждение вопрос о евразийском трансграничном взаимодействии. По сути дела, это вопрос о внутриевразийской интеграции. Данная идея соответствует идеям основоположников евразийства и отвечает задачам Стратегии национальной безопасности, поэтому такая постановка вопроса является более разумной и адекватной.

Центральная и фундаментальная здесь проблема – «Что есть Евразия?». Классики евразийства (П. Н. Савицкий, С. Н. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин и др.) исходили из понимания «России-Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены» [21, с. 124]. Много существует спекуляций по этому поводу. Часто под Евразией, к сожалению, понимают совсем иное. И здесь должен быть принят приоритет внутриевразийской интеграции, что отвечает положению П. Н. Савицкого и о чем в прошлый раз говорил И. Ф. Кефели – о своеобразном братстве народов. П. Н. Савицкий писал: «...над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас. Традиции “братства народов”, как отмечали евразийцы, бывали по временам замутнены нарочитым “западничеством”. Это “не приводило Россию ни к чему, кроме бедствий ... Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании”» [20, с. 302]. К сожалению, эта тенденция не преодолена. Несколько лет назад В. А. Тишков прямо писал об этом: Россия – это европейская страна и у нее есть евразийская миссия [30].

Когда я отстаивал на упомянутой декабрьской конференции идею возвращения к идеям евразийцев, А. К. Аликберов, который там тоже присутствовал, критически к моей позиции отнесся. Он говорил, что слишком узкий это взгляд, другие обидятся, если ориентироваться только на Малую Евразию. Конечно, в перспективе важно ориентироваться на дружбу со всеми – это было бы прекрасно, но в ситуации, когда остро проявился конфликт с Западом и с учетом наследия 1990-х гг., можно было бы выстроить другие приоритеты. Необходимо делать акцент на обустройстве самой России, делайте страну сильной и к вам потянутся люди и страны. Здесь я согласен с Н. С. Розовым, высказавшим подобную идею на прошлом вебинаре [18, с. 202].

Повторяю, что согласно представлениям классического евразийства, Евразия есть пространство, примерно совпадающее с территорией бывшего СССР. Важными являются также трансграничные зоны на юге и востоке, прежде всего Монголия, Китай и Индия. При этом на Китай ориентируются в большей степени. Если отвечать А. К. Аликберову, относительно того, что «другие обидятся», то, конечно, нужно общаться и с этими другими, например, с африканскими странами. Но все-таки в приоритете должны быть прежде всего трансграничные территории и обустройство самой России. Так и делают многие, в политике это принято.

А почему ставится вопрос о приоритетах? Этому много причин. С. А. Караганов, который присутствовал тоже на конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» (и мы обнаружили с ним ряд общих оценок), говорил об ограниченности бюрократического, я бы уточнил – административного, ресурса. Его, этого ресурса, на всю Большую Евразию вряд ли хватит. Как отметил политолог, пока создавали

Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) «проспали» китайский проект «Один пояс – один путь». Китайцы выстроили его, минуя Сибирь. Бюрократы настолько были задействованы в создании ЕАЭС, что вещи не менее важные упустили. Какие здесь проблемы возникают? Приведу опять идею С. А. Караганова, он считает, что проклятье России – это 300-летнее западничество. Я бы сказал – безмерное западничество. Взаимодействие с Западом – это нормально, но, когда возникает перебор, появляется проблема. И дословная его цитата из доклада на конференции: «Беда России в том, что вся ее элита, включая меня, прозападная». В то же время он говорит, что нужно вернуться к себе: мы евразийская держава.

Сейчас очень популярный тезис – разворот на Восток. Не просто поворот, а разворот. И здесь А. К. Аликберов прав, когда говорит, что выбор между Западом и Востоком ложный. Постановка вопроса: либо туда – либо сюда – неверная. Лучше говорить о ребалансировке. Важен баланс того и другого в зависимости от ситуации. Поворот (а я бы сказал: возвращение) на Восток важен и нужен для России, но он отягощен множеством трудностей и требует хорошо продуманной политики (см., например, [2]). Так, укрепление взаимодействия с Китаем необходимо. Но надо иметь в виду, что Китай извлекает свою выгоду из текущей ситуации. В экономическом партнерстве с Китаем Россия занимает сейчас 18-е место, а на первом месте США. И кто-то знает цену газа, который Россия продает в Китай? Я слышал, что уголь мы вообще продаем ниже его себестоимости, поставляем себе в убыток.

Еще я хочу обратить ваше внимание на то, что в контексте актуальной ныне проблемы, касающейся цивилизационной перспективы, мы с барнаульскими коллегами опубликовали в 2022 г. книгу «Цивилизационная миссия Сибири» [32], где подробно рассматриваем существующий цивилизационный кризис и обосновываем необходимость перехода к духовно-экологической цивилизационной модели, показываем потенциально важную роль в этом процессе Сибири. Такой вывод делается на основе не только теоретических изысканий, но и всестороннего анализа объективного и субъективного социокультурного потенциала, которым обладает Сибирь и который позволяет рассматривать ее в качестве осевого локуса глобальной цивилизационной трансформации. В монографии мы обосновали важное значение традиционной культуры разных народов (в форме неотрадиционализма) и этнокультурного разнообразия в формировании основ духовно-экологической цивилизационной перспективы. При этом речь не идет, конечно, об изоляционизме, в чем иногда обвиняют сибиряков, пишущих на данную тему. Мы исходим из непреложного факта, что Сибирь является важнейшей частью целостной России.

Федеральное правительство предпринимает ряд действий, связанных с переосмыслением роли традиций и традиционной российской культуры. В частности принят Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» и подписан Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этих документах обозначен приоритет духовных ценностей и важность коллективизма, но не все из сторонников либеральных ориентаций согласны с такой постановкой вопроса.

Еще одна проблема. Сейчас государство в своей внутренней политике отдает приоритет Дальнему Востоку и Арктике, но мы считаем, что про Сибирь ни в коем случае нельзя забывать. В этой связи замечу, что десять лет назад представитель нашей научной школы Е. А. Ерохина издала важную книгу «Сибирский вектор внутренней геополитики России» [8], а в том году у нее вышла интересная статья на эту же тему, которая связана уже с разворотом на Восток [9].

Но что в политике у нас? Директор Института экономики и организации промышленного производства академик В. А. Крюков на конференции «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» сказал, что в настоящее время разработана Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, но она писалась без привлечения специалистов-экономистов их института. Именно они являются главными экспертами по данному вопросу. Но бюрократы, похоже, вполне обходятся без специалистов. Возникает вопрос, кем, для чего, и для каких целей писалась и принята эта Стратегия.

Я считаю, что надо ориентироваться на исторический опыт отношения государственной власти к Сибири. Здесь хотел бы выделить административную реформу Сперанского 1822 года. Она почти 100 лет действовала и это первая попытка целостного подхода Российского государства к управлению Сибирью с учетом ее потенциала и региональных особенностей. Невероятная работа была проделана перед этим. Известна также весьма эффективная «Программа научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (программа «Сибирь»).

Для благополучного развития Сибири, я считаю, нужен новый поворот к Сибири в государственной политике.

Спасибо, коллеги, что выслушали меня!

Изгарская А. А. Спасибо, Юрий Владимирович! Пожалуйста, коллеги, вопросы к Юрию Владимировичу.

Прошин В. А. Юрий Владимирович, спасибо за интересный доклад. Вы сказали о том, что русская нация является федеративной нацией. Как соотности термин «федеративная нация» с термином «федеративное государство»? Мне кажется, что когда речь идет о нации, то это субъект федерации с точки зрения права.

Попков Ю. В. Нет, я не говорил о русской нации, я говорил о российской нации.

Прошин В. А. Ну, российская нация, федеративная нация – это термин.

Попков Ю. В. Нет-нет, я не говорил о федеративной нации. Я говорил о российской нации – это концепт, который ввел В. А. Тишков со своими коллегами. Я говорил о федеративном государстве, о федеративном устройстве нашей страны. Сторонники В. А. Тишкова, следуя западным установкам, настаивают на интерпретации нации исключительно в гражданско-политическом смысле, а наша отечественная традиция нацию рассматривает в этнокультурном смысле. Отсюда вытекают большие коллизии, много недопонимания и, на самом деле, в обычном дискурсе нации часто используются как этнокультурное понятие, как народ. Поэтому возникает много проблем. Это большая проблема, с ней надо разобраться. Однако В. А. Тишков настаивает на своей позиции, по сути, говоря о том, что у нас есть только одна нация – российская. На самом деле эта

политика противоречит и Конституции. Россия – многонациональное государство, то есть много наций, а используя понятие «российская нация» они делают отождествление двух понятий «многонациональная Россия» и «российская нация». Я считаю, что это некорректно.

Изгарская А. А. Пожалуйста, Шумков Андрей Арнольдович.

Шумков А. А. Благодарю Юрий Владимирович за доклад. У меня вопрос, касающийся насильственной массовой депортации многих народов Советского Союза в Сибирь. Цифры разные, однако примерно 2,5 миллиона человек оказалось у вас в Сибири. Конечно по сравнению с общим населением Сибири, составлявшим 35–40 миллионов человек, это может быть не так весомо, но те народы, которые оказались в XX в. у вас, они каким-то образом поменяли этносоциологическую ситуацию в регионе или это капля в море?

Попков Ю. В. Определенное влияние, я считаю, было. Но Сибирь, начиная с XVII в., с момента ее присоединения к России, испытывала на себе влияние больших миграционных потоков. Если не ошибаюсь, то уже в конце XVII в. русское население преобладало над численностью коренного населения. Сильные потоки были после отмены крепостного права. В 1920–1930-х гг. в связи с промышленным освоением и в период Второй мировой войны в процессе эвакуации был приток населения. Но особенно большие массы населения пошли сюда уже после войны в связи с новым этапом промышленного развития Сибири. У коренного населения и у тех, кто приезжал, мудрость народная позволяла выстраивать более или менее нормальные отношения между представителями разных национальностей.

Шумков А. А. Да, но потоки во время советского режима совершенно не сопоставимы с потоками естественными. Я это имел в виду. Я сейчас сам нахожусь в деревне, где больше не говорят по-фински, потому что 400 тысяч ингерманландских финнов было переселено в Сибирь. Я надеюсь, что какие-то их сообщества еще существуют. Это был один вопрос. И мой второй вопрос. О самой Евразии как явлению мы можем говорить, не обсуждая его. Оно просто есть. Скажите, самым своим существованием не является ли оно таким обуславливающим моментом к пониманию Сибири, как совершенно особенной части России, и такой части, через которую многое можно понимать? Ну, например, через Новгород сейчас нельзя понимать Россию, потому что Новгородской Республики нет, наверно можно что-то понимать через Татарстан, но, наверно, в особом смысле можно (нужно) очень многое понимать, в том числе и в российской политике, через это масштабнейшее явление – через явление Евразии.

Попков Ю. В. Андрей Арнольдович, я с Вами только могу здесь согласиться. В нашей книге мы рассматриваем не экономический потенциал, потому что это дело экономистов, и не политические вопросы. Мы рассматриваем социокультурный потенциал Сибири. В текущей ситуации Сибирь является связующим звеном, ядром всей Евразии. Относительно финнов, я Вам могу сказать, что конечно, в Новосибирске есть финская общественная организация. Два года назад в нашей мэрии утвердили серебряный почетный нагрудный знак и премию мэрии города Новосибирска «За укрепление мира, дружбы и согласия», я его получил первым вместе с руководителем финской общественной организации «Ингерия» А. С. Камбаровой.

Шумков А. А. Спасибо.

Кефели И. Ф. Юрий Владимирович, во-первых, большое спасибо за такой многоаспектный доклад. Он такой многоплановый, что теряюсь, к какой части Вашего доклада задать вопрос. Постараюсь кратко сформулировать его в обобщенном виде. На Ваш взгляд, если рассматривать несколько вариантов евразийства, а именно российского, тюркского, да и китайского тоже, можно ли выделить какую-то их общую составляющую? Я потом в своем выступлении коротком скажу, почему я задал такой вопрос, сошлюсь на некоторые вещи, и на то, что я в прошлый раз говорил. Возможен ли консенсус между этими тремя, по крайней мере, ветвями евразийства? Спасибо.

Попков Ю. В. Игорь Фёдорович, спасибо за такой серьезный вопрос. Когда писали книгу «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» [6], мы представили российский взгляд и получили несколько глубоких рецензий, в том числе и рецензию из Евразийского университета им. Л. Н. Гумилёва из Казахстана от известного специалиста по проблемам евразийства, кандидата исторических наук С. В. Селивёрстова. Он сделал нам одно серьезное замечание, высказав сожаление, что мы не посмотрели на евразийскую проблему с точки зрения Казахстана [22]. Всем очевидно, что у Казахстана, и у Ирана, и у Турции свой взгляд на евразийство. И если честно, я не готов сейчас исчерпывающе ответить на Ваш вопрос о том, что в этих взглядах может быть общего, единого для всех направлений евразийства. Однако если рассуждать о будущем, о цивилизационной модели будущего, то я вижу ее через понятие конвергенции. Можем ли мы совсем отказаться от элементов капитализма? Думаю, что нет. Очевидно и то, что многие социалистические идеи, принципы, идеалы должны быть возвращены в будущей цивилизационной модели. Например, Клаус Шваб говорит о неокapитализме, но он высказывается и о том, чего не хватает капиталистическому обществу. А не хватает справедливости, инклюзивности и так далее, в этом тоже можно видеть социалистические идеи. Поэтому я сторонник конвергенции, конвергентной модели будущего. Такую модель, как известно, отстаивал в свое время П. А. Сорокин. Ему можно доверять по той причине, что он выдвинул эту идею, будучи хорошо ознакомлен и с российской, в том числе дореволюционной ситуацией, и с ситуацией в Соединённых Штатах, где он потом жил. Конечно две мощные системы должны были каким-то образом взаимодействовать, взаимопроникать. Но вот, к сожалению, идеалы буржуазной революции, а именно свобода, равенство, братство, самой западной цивилизацией были дискредитированы.

Кефели И. Ф. Да, спасибо, Юрий Владимирович. Я извиняюсь, что такой может быть каверзный вопрос задал. Я считаю, что мы должны все-таки отстаивать свою позицию, ту, которая складывалась в российской исторической науке еще в XIX в. Я не буду далеко уходить в историю науки, только отмечу, уже Владимир Иванович Ломанский первым достаточно четко определил, что есть три мира на Евразийском континенте, а именно собственно Запад, собственно Восток и срединная земля – Россия-Евразия. Наверное, с этой позиции нам сходить нет смысла. Относительно остальных, тут действительно, можно сказать, каждый видит мир по-своему. Спасибо!

Попков Ю. В. Спасибо, Игорь Фёдорович! Конечно, согласен!

Черных С. И. Юрий Владимирович, спасибо за доклад. У меня один вопрос. На протяжении последних трех лет меня очень заинтересовала композиция,

та которую вы составили из рефлексии, из идентичности, из цивилизации, из культуры. Вопрос может быть несколько неожиданный. Когда приезжаешь в Туву, то обнаруживаешь, что национальная идентичность там на очень высоком уровне. Самоосознание себя как тувинца для них является главным. В первый свой приезд я участвовал в работе конгресса и попытался там тематику евразийства каким-то образом обыграть. У меня сложилось такое впечатление, что им эта тематика вообще не нужна. Они осознают то, что они живут на тувинской земле, они осознают то, что они тувинцы, они осознают то, что у них есть национальная культура, национальная цивилизация, традиции. Понятие «евразийство» им такое известно, но народу идея евразийства вообще не по душе. Они не говорят, что они азиаты, и тем более не говорят, что они европейцы, и конечно они не говорят, что они евразийцы. Поэтому меня заинтересовала Ваша позиция по поводу того социального слоя, который мы называем «народ» в идее евразийства. Это не проигрывалось у Вас никак? Я посмотрел на очень интересную статистическую таблицу, которую Вы представляли в одном из слайдов. Там указывались уровни идентичности. У хакасов самосознание под 90 %, у тувинцев – под 90 % тоже, и у всех остальных, включая алтайцев, показатели высокие. Может быть национальную политику надо выстраивать исходя из этого преобладания, а не на геополитической идее евразийства, которая большинству народа, мягко говоря, непонятна?

Попков Ю. В. Сергей Иванович, спасибо за такой глубокий вопрос. Когда я говорю о региональных моделях национальной политики, то, по сути дела, говорю о том, что регионы у нас разные. Они различаются по многим параметрам. У них разный уровень социально-экономического развития, разная интенсивность миграционных процессов, они различаются по уровню этнокультурного разнообразия, по этнической структуре. В Туве по переписи населения 2010 г. 86 % населения – тувинцы. За все это время отток населения продолжался и там сейчас еще меньше русских и больше тувинцев. И поэтому, когда я ставлю так вопрос, как Вы его обозначили, перед сотрудниками Института этнологии и антропологии, они отвечают примерно так: «Чур-чур, не надо. Как только мы разделим всю страну на типы регионов и отнесем каждый регион к какому-то типу, будет столько обид! Будут говорить, что мы то не учли, это не учли. Нам не надо такое деление, и заикаться про региональные модели не стоит». И, конечно, может быть в самой стратегии не надо об этом говорить, но органы управления должны перед собой иметь карту России, где по-разному должна строиться политика, где приоритеты должны быть разные. Мы утверждаем, что помимо общестратегических ориентаций должны быть регионально-обусловленные приоритеты реализации национальной политики. Относительно Тувы, я специально этим регионом занимался, у меня есть большая статья про концептуальные вопросы национальной политики [15]. Когда в 2020 г. я писал статью, то изучил все материалы, все документы, которые касаются национальной политики. И знаете, в документах по Туве не идет речь о тувинцах и тувинцах-тоджинцах – коренных для Тувы народах. Понимаете? В их документах речь идет о казаках, о коренных малочисленных народах вообще, то есть здесь присутствуют те же формулировки, как в федеральной Стратегии. Просто взяли и сделали кальку! Вот как написано в государственной

Стратегии, они точно также и написали у себя, только сверху обозначили «Тува», «в Туве»! И это всех устраивает, с бюрократической точки зрения!

Бюрократия не дремлет! Могу сказать, что когда с работниками мэрии мы подготовили «Концепцию устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска», она гуляла в правовых органах полгода. Они в ней искали несоответствия федеральной Стратегии. А когда ее уже утвердили постановлением мэрии, из Агентства по делам национальностей пришло указание, какие ее положения надо поправить, чтобы было полное соответствие Стратегии. Никакого расхождения не должно быть! Это и есть, я считаю, недальновидная политика. Ведь многие проблемы, существующие в регионах, не отражены в федеральном документе. Так выходит, что их не надо фиксировать и решать на региональном уровне. Очень эффективная политика!

Относительно евразийства, я могу сказать, сославшись на исследования своих тувинских коллег. Здесь сейчас присутствует Зоя Юрьевна Доржу и Алена Александровна Стороженко, они могут ответить на этот вопрос более точно. Мне же самому кажется, что напрямую про евразийство мало кто в народе говорит. Люди четко понимают, что есть Тува и тувинцы, но не может быть одномерной оценки, как и одномерной оценки многих других явлений. Например, многие тувинцы, когда заболевают, ходят и к ламе, и к шаману. Что это такое, как не евразийство? На практике люди очень ярко демонстрируют евразийские модели поведения, но, может быть, не всегда это осознают. Вы очень серьезные вопросы затронули. Еще приведу пример. Когда мы писали книгу «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» [32], мы опросили студентов пяти самых крупных аграрных вузов Сибири, включая студентов вашего вуза. И знаете, многие просто не задумываются о цивилизационных перспективах. Возникает вопрос, почему? Потому что в учебных программах это отсутствует. Я считаю, что это большая проблема, большой пробел в образовании. А чем можно объяснить это отсутствие? Тем, что у федеральной власти отсутствует, по крайней мере не проявлена, модель будущего! К чему должны стремиться граждане? Да, о модели будущего спорят эксперты, это обсуждают на конференциях, иногда даже на телевизионных ток-шоу. Только как-то не говорят, забывают, что важна модель не просто будущего, а цивилизационного будущего! Похоже, что сих пор наши власти не знают, куда двигаться. Или знают, но не говорят об этом открыто. Видимо, такая ситуация кого-то устраивает. Но для населения страны это серьезная проблема.

Черных С. И. Эта проблема действительно серьезная. Я полностью согласен с утверждением, что наши власти не имеют четкого представления о направлении развития. Однако после этого незнания, после осознания этого незнания, они не столкнутся с той темной силой коллективной, которая поднимется с низов?

Попков Ю. В. Есть такая опасность. Например, она есть на Кавказе, в соответствии с результатами исследований наших коллег, местных этносоциологов. Я исхожу из того, что надо создать такое общество, такой социальный строй, когда люди гордились бы и тем, что они сибиряки, и тем, что они представители, скажем, Тувы, и тем, что они граждане России. А у нас очень часто эти идентичности противопоставляются. Считается, что гражданская идентичность – хо-

рошо, а этническая идентичность – плохо. Надо сказать, что в разных регионах ситуация различается. Так, В. А. Аксентьев на одной из недавних конференций отмечал, что в республиках Кавказа есть противоречия, и даже есть конфликты разных видов идентичности. У нас в Сибири мы этого не обнаруживаем. Надо ли этого опасаться? Конечно, надо. Тем более, что, как я думаю, со стороны внешнего воздействия на это делают определенную ставку.

Бегалинова К. К. Юрий Владимирович, спасибо за интересный доклад. Известно, что и Россия, и Казахстан, принадлежат к евразийскому типу. И в этом отношении Вы очень хорошо сказали об этнической идентичности. Меня волнует этноконфессиональная идентичность. Как решаются этноконфессиональные проблемы? Я знаю, что на территории России проживает много представителей ислама, в частности, очень много казахов. Они живут и в Новосибирской области, и в Оренбурге, и в Астрахани, и т. д. И еще, на одном из слайдов у Вас было такое суждение, что этнические общности – это проявление не идентичности, а самоидентификации. Как это можно приложить к решению проблем этноконфессиональной идентичности, идентификации?

Попков Ю. В. Калимаш Капсамаровна, спасибо за вопрос. Здесь я поддерживаю точку зрения российского экономиста Владимира Николаевича Лексина, могу показать его одну из последних книг, которую он мне прислал, ее название «Судьбы цивилизации и русский вопрос. Опыт системной диагностики» [11]. Он работает в Институте системного анализа Российской академии наук в Москве. В. Н. Лексин исходит из характеристики России как цивилизационной конфедерации, или цивилизационного конгломерата. Я считаю, что это абсолютно правильно и точно, и это соответствует положению Н. Я. Данилевского о разнообразии цивилизаций. Тут должно быть не только этнокультурное разнообразие, а субцивилизационное разнообразие. Россия – это и православие, и ислам, и буддизм, и другие религии. Делать ставку только на то, что мы православная страна, я считаю не совсем правильно. Во-первых, надо фиксировать полиэтноконфессиональность, во-вторых, ее надо учитывать в стратегических ориентирах и, конечно же, в исследовательских практиках.

Далее, видимо Вы меня не точно поняли. «Этнические общности» – это не мой термин, так написано в Стратегии. В этом документе значит, что, по сути дела, этнические общности – это самоидентификация. Я с этим категорически не согласен. Только этого признака явно недостаточно для характеристики этнической общности. Мало ли что человек говорит и как себя оценивает. Важно и то, как он себя ведет, что делает, каких традиций придерживается. И еще один момент, может быть самый главный. Этнокультурное пространство самого города неоднородно. Где-то есть концентрация по этническому признаку, где-то ее практически нет. В городе существуют разные группы мигрантов, у них наблюдаются разные проблемы. Есть старые мигранты, есть новые мигранты, у них разные проблемы и разные стратегии, в том числе, стратегии интеграции в российское социокультурное пространство или их отсутствие. А когда мы все скопом валим, про всех говорим одно и то же, то это абсолютно неправильно и неадекватно.

Филиппов С. И. Юрий Владимирович, спасибо за интересный доклад. У меня вопрос на уточнение. Правильно ли я понял, вы трактуете нацию, прежде всего как культурно-историческую общность, которая основывается на общей исто-

рии, возможно, общем происхождении? В чем тогда существенные отличия между нацией и этносом? Если они есть.

Попков Ю. В. Во-первых, нацию я понимаю не только как этнокультурную общность. Реальность у нас такова, что когда говорят про российскую нацию, то имеют в виду ее гражданско-политическое содержание. Я считаю, что надо определять нацию в двух смыслах. Однако всякий раз следует просто конкретизировать, какой смысл в понятие вкладывается. Этнос и нация между собой тесно связаны. Нет, по-моему, ни одного государства, или нации, в гражданском смысле, которая не имела бы этнических корней. Можете назвать такие примеры? Я таких примеров не знаю. Однако некоторые так не считают. Например, В. А. Тишков написал книгу «Реквием по этносу» [29] и многое сделал, чтобы про этнос забыли! Он считает, что это некоторая идеальная конструкция, а в реальной жизни больше говорят о народах. Хотя он признает, что понятие «этнос» до сих пор сохраняется в повседневном дискурсе. На мой взгляд, этнос – элемент самоорганизации, самоорганизующаяся система! И процесс самоорганизации не зависит от того, есть ли какая-то поддержка политических институтов или ее нет. А нация предполагает подключение политических механизмов для системы управления и организации. Я бы так развел эти два понятия.

Филиппов С. И. Спасибо, в этом плане Новосибирск – многонациональный город или полиэтнический?

Попков Ю. В. Думаю, что в зависимости от того, что Вы имеете в виду под понятием «многонациональный». Можно говорить «многонациональный», учитывая сложившуюся отечественную традицию использования понятия «национальный». В данном случае понятия «полиэтнический» и «многонациональный» используются как синонимы. В Новосибирске, например, есть журнал «Содружество наций»⁷.

Сегал А. П. Коллеги, у меня реплика и вопрос. Хочу обратить ваше внимание, что нам предложили взять евразийскую идеологию в качестве замены советской идеологии. Получилась своего рода теоретическая анемия междисциплинарного характера. Мы одновременно начинаем воспринимать Евразию как континент, Европа-Азия, и Евразию как Россию, Россия-Евразия. В результате получилась полная, на мой взгляд, неразбериха. Сначала придумываем термин, а потом пытаемся его наполнить содержанием. Я не являюсь сторонником этой концепции, потому что вижу вот такой беспорядок. В результате того, что термин пришел на замену советской идеологии, возникает специфическая ситуация. Мы пытаемся найти что-то, что мы можем взять от СССР, хотя, если исходить из самой евразийской концепции, от СССР ничего кроме территории не осталось. От социальной системы отказались, о принципе социальной справедливости почти ничего не говорим. Теперь мой вопрос. Когда представители евразийства говорят о наследии СССР, что они под этим наследием понимают? Может быть, что-то есть в экономической системе, которую мы пока еще окончательно не развалили?

Попков Ю. В. Вопрос понятен, спасибо. Дело в том, что я не согласен с тем, что евразийство было взято вместо советской идеологии. Такого замещения не было. Как отметил в своем выступлении на конференции «Евразийские

⁷ Содружество наций. Журнал [Электронный ресурс]. – URL: <https://active-city.org/resources/zhurnal-sodruzhestvo-naciy> (дата обращения: 12.01.2022).

трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» С. А. Караганов (о чем я упоминал выше), у нас вся элита прозападная. Он кстати говорил, что является одним из организаторов Института Европы, а сейчас сожалеет об этом. Считает, что надо было в другую сторону немного уйти. Может мы отдельно эту тему обсудим, тем более, что коллектив под руководством И. Ф. Кефели издал монографию «Советская цивилизация и евразийская идея». Там все эти вопросы очень подробно рассмотрены. В прошлый раз у него просто не было времени на этом остановиться. Думаю, можно будет рассмотреть это подробнее. Потом, понимаете, нельзя сказать, что учение евразийцев было полностью продумано и системно выстроено. Сейчас пытаются его соотнести и противопоставить западной либеральной идеологии. Я считаю, что евразийство по большому счету было противником либеральной идеологии, по многим параметрам его представители отстаивали прямо противоположные принципы, в частности, кооперативное начало в экономике. В советский период кооперация в разных ее формах имела широкое распространение. В постсоветский период ее по сути разрушили. При этом в западных странах кооперация как одна из форм организации производства продолжает существовать и является достаточно эффективной. Далее ценным является коммунитаризм, я считаю, что он тоже соответствует идеям евразийцев. С барнаульскими коллегами наш институт раз в два года проводит конференцию «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения». На ней все обозначенные вопросы подробно анализируются. Недавно вышел очередной сборник материалов этой конференции [7].

Пфаненштиль И. А. Спасибо за актуальную тему, Юрий Владимирович! У меня короткий вопрос об устойчивом развитии. Скажите, пожалуйста, каковы основные факторы, причины неустойчивого развития Российской Федерации? Возможно ли устойчивое развитие в современной олигархической системе управления? Спасибо.

Попков Ю. В. Иван Алексеевич, невозможно. Поэтому мы и отстаиваем необходимость перехода к другому типу цивилизационного устройства. Факторов неустойчивости очень много. В этом ноябре в Москве проходила конференция, которую организовывал Совет при Президенте Российской Федерации по международным отношениям. Она была посвящена 10-летию принятия Стратегии государственной национальной политики. На ней констатировалось, что в текущей нестабильной ситуации более-менее устойчивыми сохранились международные отношения. Не было конфликтов, не было обострения, хотя, казалось бы, их можно было ожидать. Те, кто эту Стратегию⁸ принимал, могут записать это в свой актив, но на самом деле я думаю, это не Стратегия позитивную роль сыграла, а мудрость людей, мудрость самого населения, мудрость человеческого общежития, опыт которого с советских времен сохраняется. Еще момент, тот же С. А. Караганов сказал о внутреннем характере задач спецоперации, подчеркну, внутреннем характере. В какой-то степени он прав, так как деконфигурация России в каких-то отношениях, по всей видимости, предполагается. В том числе, поскольку многие уехали за границу, это тоже может быть рассмотрена как одна из задач, которая работает на эту идею.

⁸ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.12.2022).

Пфаненштиль И. А. Спасибо большое! Совпадаем с Вами в оценках происходящего. Спасибо.

Овчинников А. А. Юрий Владимирович, спасибо за доклад. Сейчас на фоне специальной военной операции проблемы России обостряются. Хотел бы услышать Ваше мнение. Как Вы считаете, возможно ли возвращение к идеям сибирского областничества и не наблюдается ли рост сепаратистских настроений в Сибири?

Попков Ю. В. Эта проблема действительно существует. Два момента я хотел бы здесь подчеркнуть. Часто областников рассматривали как сепаратистов. На самом деле это не так, по большому счету областники не рассматривали Сибирь отдельно от России. Мы с коллегами всегда подчеркиваем это. Мало того, надо иметь в виду, что Россия стала державой только тогда, когда она приобрела Сибирь. Это было так, это так остается, и это, я уверен, так и будет в будущем. При всем при этом наши федеральные власти побаиваются сепаратизма. Может быть, поэтому они в Стратегии государственной национальной политики тему этнической и региональной идентичности не отразили вообще. Подспудно этническая и региональная идентичности оцениваются неодобрительно вместо того, чтобы такую политику выстраивать, при которой разные виды идентичности «мирно уживаются», не противоречат друг другу.

О необходимости привлечения внимания к Сибири в последнее время пишут председатель Сибирского отделения Российской академии наук В. Н. Пармон, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН В. А. Крюков (см. например, [10]) и директор Международного научного центра СО РАН по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии В. Е. Селиверстов. В то же время когда этот институт заявлял мегапроект по линии Российского научного фонда, они в названии написали не «Сибирь», а «Азиатская Россия». Видимо, тоже побаивались, что обвинят в сепаратизме. Да, здесь есть определенная проблема, но по результатам тех исследований, которые мы проводили и проводим, никакого явного сепаратизма не обнаруживается. Хотя сибирская идентичность существует как явление. Но с сибирской идентичностью по-хорошему не все ясно. Я лет двадцать назад оппонировал кандидатскую диссертацию про сибирскую идентичность. К моему удивлению, в диссертации говорилось, что сибиряки – это русские. Почему-то коренное население сибиряками не называлось. В данном случае, как быть с сибиряками, не совсем понятно. Спасибо.

Кефели И. Ф. У меня есть небольшая реплика по поводу «Азиатской России». Действительно, это научный термин. Он был снова возвращен в научный оборот. В частности, возврат этого термина связан с книгой «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике» [1]. В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников выпустили книгу в 2004 г. Очень хорошая, замечательная книга. Этот термин действительно в какой-то мере меняет оценку сибирского областничества, потому что на нем спекулировали сами создатели областничества, многие из них были в прошлом студентами Петербургского университета. Они ратовали за самостоятельность, но они не выступали за автаркию. Спасибо.

Попков Ю. В. Да, я поддерживаю Вашу точку зрения, что у историков сначала появилась «Азиатская Россия». В том числе, у наших новосибирских ученых из

Института истории СО РАН под руководством В. А. Ламина прошло несколько конференций, а потом уже экономисты идею подхватили. Спасибо.

Шумков А. А. Можно еще дополнение. Если говорить о Петербурге, то хочется вспомнить знаменитую цитату Л. Н. Гумилева из его последних интервью 1992 г. Он говорил о том, что если Россия и может быть спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство. Л. Н. Гумилев оставил нам в своем богатейшем научном наследии и свою необычную теорию пассионарности. Мне, честно признаться, это заявление кажется радикальным, ни в коей мере не умаляя то явление, о котором мы говорим – явление евразийства. Но, может быть, попытки преобразований России, начиная, например, со времен Ивана Грозного, Петра I, советских реформ, начала перестройки, показывают беспомощность таких крайних состояний, когда делается акцент либо на восточных, либо на западных ориентирах. Может быть, действительно, в каком-то глубоком теоретическом смысле евразийская основа может являться основой будущей России?

Попков Ю. В. Я согласен. И хотел бы поставить для всех проблему, на будущее, если планировать какие-то исследования на уровне теоретических или прикладных, эмпирических разработок. Что такое Евразия? Я уже говорил об этом и хочу повторить. Это и Европа, и Азия, или ни Европа, ни Азия. Если и то, и другое, то значит это конвергентная модель и мы должны определить, что взять от Европы, что взять от Азии. А если ни Европа, ни Азия (хотя я думаю, и то, и другое должно быть), значит мы должны выделить какие-то особые, отличные от того и другого фундаментальные ценности. Я уже говорил про нашу книгу «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» [6], в ней пытались выделить, обосновать и описать четыре фундаментальные ценности, которые делают Россию своеобразной, непохожей ни на Запад, ни на Восток. Это ценности воли, пограничности (бытия-на-границе), миксиса (интеграции культур), родства (побратимства). Может быть, следует запланировать такой доклад на нашем вебинаре.

Цоохуу Х. Коллеги, можно мне сказать несколько слов? Спасибо большое, Юрий Владимирович, мой друг! Очень было приятно слушать твой доклад. Было приятно вспомнить те годы, в которые мы вместе работали. Я не специалист в области этносоциологии, но мне понравились твои идеи про СССР, я с этими идеями полностью согласен. Еще я хотел сказать, что если кто-то говорит об этничности, я думаю, что это человек очень гуманный, человек будущего. Я рад, что ты, мой друг, такой гуманный, человечный человек. Что касается «евразийства», думаю, что сама ситуация подтвердила важность обсуждения данного понятия. Второе, я не знаю, хотела бы Монголия или нет быть частью евразийства, но я лично думаю, что евразийство – одна из значительных частей будущего человечества. В этом отношении я очень благодарен тебе, желаю тебе и этносоциологической школе Новосибирска успехов. Спасибо!

Попков Ю. В. Спасибо, дорогой Х. Цоохуу! Коллеги, Х. Цоохуу по своему духу, отзывчивости, надежности, глубине мысли – самый настоящий евразиец!

Кефели И. Ф. Юрий Владимирович, я тоже скажу несколько слов. Спасибо за доклад. Во-первых, повторюсь, доклад многоплановый. Во-вторых, позиция относится к конкретной науке – этносоциологии. Ваш доклад навел меня на ряд мыслей. Вот мы говорим, казахский вариант евразийства, китайский вариант

и заложенный основателями в 1920-х гг. наш вариант. Сегодня, как определенный шаг в евразийских исследованиях, необходимо реперные точки поставить. В чем действительно состоит российское, китайское и тюркское понимание евразийства? На что я обратил бы внимание. Говорить о тюркском варианте евразийства вряд ли имеет смысл, потому, что Организация тюркских государств четко заявила, они создают тюркскую цивилизацию, которая соединяет Европу и Восток. При этом Восток шире, чем просто Азия. И какой ход рассуждений выстраивается отсюда? Публикации в турецкой периодической печати, включая самые последние, говорят об этой проблеме очень просто, они включают в тюркскую цивилизацию и Россию, и Китай. Мы должны рассматривать такое проговаривание в формате «мягкой силы». Выстраивается виденье именно такого порядка. В публикациях ни слова не говорится о документе «Тюркский мир – видение 2040» (его я упоминал на вебинаре в ноябре) [18, с. 188, 191]. В этом документе нет ни слова о России, о евразийской интеграции, о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Они видят мир только через призму своего тюркского миропонимания. С другой стороны, китайский вариант евразийства. Мне на днях подарили интересную книгу китайских ученых, историка Ху Дэкуня и его коллег «Историческое значение антияпонской войны китайского народа в мировой антифашистской войне». Вроде бы никакого непосредственного отношения к Евразии она не имеет, но на первой странице фраза, я зачитаю небольшую выдержку: «18 сентября 1931 года Япония сделала первый шаг на пути агрессии против Китая. Инцидент 1937 г. стал началом антияпонской войны в целом и фактом открытия китайского фронта против Японии, первого в мире антифашистского фронта» [4]. Обращает на себя внимание, что китайский автор ничего не говорит ни о Великой Отечественной войне, ни о роли Советского Союза в победе во Второй мировой войне, ни о действиях советских войск в сентябре 1945 г. Такова позиция Китая. И наверно, нам никогда не договориться, хотя надо искать общий язык, язык общения, и той самой конвергенции второго порядка (хотя термин «конвергенция» мне не нравится в контексте с Евразией). Надо находить друзей везде, но сохраняя свою теоретическую и идеологическую позицию. Вот, что я хотел кратко сказать, Юрий Владимирович, по поводу Вашего доклада. Спасибо!

Пфаненштиль И. А. Я очень благодарен Игорю Федоровичу за то, что он сейчас сказал. Думаю, что сегодня нам всем заплутавшим исследователям в заплутавшемся мире следовало бы разобраться – кто мы, куда нам идти? Надо вернуться к нашим исследованиям, к русской философии, которые были сделаны еще в XIX веке. Надо перечитать Н. Я. Данилевского [3], посмотреть основные принципы, о которых говорил Владимир Францевич Эрн в конце XIX в. Нам надо понять, куда мы пришли в подражании европейцам. До тех пор мы будем в рамках и в сетях европейского мышления, мышления другой цивилизации, по сути цивилизации колонизаторской, враждебной нам, во многом паразитической цивилизации. Мы – другая цивилизация, надо это осознать, у нас есть свой путь развития, об этом же говорили все наши отечественные мыслители. Надо это разобрать и понять. Сегодняшний доклад во многом этому способствовал. Давайте вернемся к своим корням. Тогда, я думаю, у нас все встанет на свои места. Спасибо всем!

Шумков А. А. Коллеги, я очень благодарен вам всем. Благодарен И. А. Пфаненштилю за то, что он вспомнил Н. Я. Данилевского. Я представляю лингвистический мир, и хотел бы вспомнить Николая Сергеевича Трубецкого – лингвиста, и вместе с тем человека, который защищал идеи евразийства и являлся автором многих трудов. Мне понятно, почему у профессионального лингвиста возник интерес к этому уникальному явлению. Восемь языковых семей существует на этой территории. Пожалуй, такой пример трудно еще где-либо найти. И уже одно это делает территорию Евразии и исключительно интересным, и самобытным континентом, хотя это географически неправильно. Юрий Владимирович, спасибо за интересный доклад! Коллеги, спасибо всем за интересное обсуждение доклада!

Бегалинова К. К. Хорошо, что о Н. Я. Данилевском заговорили. Ему принадлежат слова, что будущее России за Сибирью! Хочу добавить, что за Сибирью не только будущее России, но и будущее Казахстана! Это поняли и наши предки еще три века назад. Спасибо всем большое!

Кефели И. Ф. Андрей Арнольдович сейчас вспомнил Н. С. Трубецкого. Я удивился, у меня на занятии на психологическом факультете нашего Санкт-Петербургского университета один студент упомянул работу Н. С. Трубецкого «Евразийский национализм» [31]. Эта работа опубликована в 1927 г., я спросил его: «Где ты ее нашел?». Он рассказал. Эти имена знает наша молодежь.

Изгарская А. А. Коллеги, я тоже хочу поблагодарить Юрия Владимировича за обширный доклад, в котором он представил историю и основные идеи этносоциологической школы. Я несколько слов скажу о сибиряках. Когда мы говорим о Сибири, то сибирская идентичность появляется с необходимостью, так как она была при царском правительстве, ее культивировали в советское время. И конечно всем хорошо знакомо такое понятие, как «сибирские стрелковые дивизии». Хотя о них редко теперь упоминают, даже когда говорят о наступлении под Москвой. Еще мы знаем, что есть такая организация, как Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение»⁹. В 1990-е гг. она сыграла огромную роль в спасении экономики Сибири. Решением этой организации Сибирь осталась в составе Российской Федерации. Я поверю Юрию Владимировичу, что и сегодня сепаратизма нет. Однако спросите у любого сибиряка, что он думает по поводу эксплуатации сибирских ресурсов центром. Ответы дадут массу материала для размышлений. И это будут не только простые обыватели, но и ученые, экономисты, географы. Изучая с 1996 г. вопросы геополитики, я часто с этим сталкиваюсь, читаю критические работы по проблемам эксплуатации сибирских ресурсов и системы концентрации капитала в стране. И мне, коренной сибирячке, нестерпимо больно слышать, что Сибирь – это просто Азиатская Россия. Это то малое, что я хотела сказать, защищая свою сибирскую идентичность. И, конечно же, спасибо всем за отличную работу!

Попков Ю. В. Зоя Юрьевна Доржу, пожалуйста, может быть, об идентичности тувинцев нам расскажите.

Доржу З. Ю. Спасибо, Юрий Владимирович. Я послушала Ваш доклад. Как всегда очень глубокий, всесторонний, заставляющий задуматься, поразмышлять. Вопрос о тувинской идентичности задают всегда, где бы мы ни были. Пре-

⁹ Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». – URL: <https://sibacc.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

жде всего, мы – сибиряки, мы – россияне. Особенно в наше время, в нынешних условиях, все надо рассматривать через эту призму. Обособляться не совсем верно, особенно когда мы работаем с молодежью, мы это чувствуем, как никогда. Коллега правильно сказал, что тувинцы обособляются и воспринимают себя больше как тувинцев, «я – тувинец». Это есть, нельзя сказать «к сожалению», это в крови уже. И важно, чтобы такие вопросы, какие Вы, Юрий Владимирович, поднимаете, обсуждались, и не только на таком уровне, на высоком уровне профессиональных ученых, это должно быть доступно всем. Прежде всего, это должно быть доступно молодежи. И я сейчас уже думаю, что можно сделать, чтобы Юрий Владимирович приехал в Туву и читал лекции для тувинских студентов. Вот тогда будет не только теория, но и на практике мы узнаем их мнения. Понятно, почему об этом говорят с такой болью, это наша реальность. Здесь собрались профессионалы, и от нас многое зависит, от нашего отношения к происходящему. Конечно, нас все это заставляет задуматься, но об идентичности должны говорить не только специалисты. Нужно спускаться на грешную землю. Поэтому, Юрий Владимирович, спасибо огромное за Ваш доклад.

Попков Ю. В. Спасибо, Зоя Юрьевна. Благодаря Зое Юрьевне я несколько лет был профессором Тувинского университета, читал лекции по философии истории. Это было хорошее время, и я согласен, что необходимо широкое обсуждение. Еще несколько слов об этносоциологии. Мы же не просто фантазируем, витаем в облаках. Мы, когда опросы проводим, с людьми общаемся, пытаемся их понять, понять их жизнь. Раньше был Российский гуманитарный фонд, который всегда поддерживал наши исследования, наши семинары. Теперь его нет. Получить деньги на мероприятия, на исследования почти невозможно. И хочу подчеркнуть, что наши результаты состоялись только потому, что есть неравнодушные люди. Вот Зоя Юрьевна Доржу есть, Валентина Николаевна Тугужекова, которые на местах организовывали наши совместные экспедиции, а также наш известный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». И конечно надо знать жизнь, знать ее с низов, тогда можно делать какие-то адекватные выводы. Лариса Викторовна Анжиганова, пожалуйста, Вам слово.

Анжиганова Л. В. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Мы затронули чрезвычайно много вопросов, каждый из которых мог бы стать отдельной темой вебинара. И мы в своих репликах и выступлениях об этом практически заявили. У меня вопрос по поводу тюркского мира. Я может быть, не совсем поняла высказывание выступавшего, он предложил не затрагивать тюркский мир, видимо решил, что мы его уже потеряли. Но я как представитель тюркской идентичности, точнее одной из своих идентичностей, Юрий Владимирович, поскольку мы окончили с ним один философский факультет Ленинградского университета, свидетель, у меня есть немного и европейской идентичности, я бы все же сохранила нас – тюрков – внутри большого евразийского пространства. Да, Турция претендует, без сомнения, на ведущую роль в интеграции, но мы давно и полноценно, и полновесно, и глубоко свою тюркскую идентичность вписали в это большое евразийское пространство. Этноконфессиональные отношения здесь играют не последнюю роль, мы, тюрки, не все относимся к исламскому миру. Будет много тяжелых коллизий, если нас попытаются «выпихнуть» из единого евразийского пространства и куда-то втянуть. Поэтому здесь нужна осторожность. Надо учесть и этот компонент. В конце концов,

евразийская идентичность включает и финно-угорские народы, и славянские, и тюркские, и не понятно чего там из этих составляющих больше. Если мы будем исследовать язык, историю, геополитические аспекты, мы не сможем так просто акценты ставить. Я согласна с нашим уважаемым ведущим, с Анной Анатольевной, по поводу того, что Сибирь, к сожалению, попала в ситуацию, когда мы стали только ресурсом. И со стороны коренных народов, а я говорю со стороны пострадавшего народа, потому, что моя родина уходит в глубины угольных разрезов, для меня это сейчас самый главный вопрос. Если мы сохраним Сибирь как колонию, я беру здесь название труда Н. М. Ядринцева, одного из областников [34], о чем вы, конечно же, помните, то мы тогда и Сибирь потеряем. И я боюсь, мы ее уже теряем, мы видим, что наши леса, ресурсы уходят неизвестно куда... Хотя мы все знаем, в каком направлении все это уходит. И когда мы имеем лунные пейзажи вместо нашей благословенной тайги, или видов степей тысячелетних, которые кормили всех кочевников, которые обладая «длинной волей» кочевали и на Запад, и на Восток, как нам не думать о нашей земле?! Если мы не будем об этом думать, то тогда мы вообще все потеряем. И тогда о России нам будет трудно говорить, как об очень большом историческом проекте. Для меня сегодня самое главное, и Юрий Владимирович об этом знает, и я не могу об этом не говорить, мы должны сохранить нашу землю. Это глубинное, не просто как территорию, а все то, что наши предки нам сохранили, во всем богатстве и полноте. Да, это боль. Но вообще я очень рада вас всех видеть, и надеюсь, что такого рода встречи будут регулярными. Спасибо, Юрий Владимирович за доклад, за встречу!

Попков Ю.В. Коллеги, кто еще хочет взять слово?

Бегалинова К. К. Коллеги, я хочу предложение сделать. Анна Анатольевна, надо попросить Зою Юрьевну Доржу и Ларису Викторовну Анжиганову подготовить доклад по этнической идентичности в Сибири, в Туве. Это проблема в наше беспокойное время очень актуальная. Надо говорить и о тюркской, и о китайской идентичностях. У нас в Казахстане это является острой проблемой, включаются Россия, Китай, Турция. Я чувствую, что Л. В. Анжиганова очень глубоко проблему знает, и было бы замечательно, если бы она согласилась выступить. Спасибо, коллеги.

Попков Ю. В. Коллеги, и у меня есть предложение. Там где проблематика будет касаться разных видов идентичностей, давайте проводить мероприятия совместно с нашим семинаром «Этносоциальные процессы с Сибири». Объединим пространства этносоциологии, геополитики, культурологии.

Изгарская А.А. Калимаш Капсамаровна и Юрий Владимирович, спасибо, поняла. Все так и сделаем. Коллеги, давайте создавать подобные совместные мероприятия, думаю, что это будет очень интересно.

Попков Ю. В. Коллеги, спасибо всем. Мне кажется, что состоялся интересный разговор, отмечено много проблем, которые достойны того, чтобы мы их в будущем обсудили отдельно. Хочу поблагодарить всех за добрые слова, за высокую оценку наших исследований. Несколько моментов относительно тюркского мира. Я думаю, что Игорь Федорович, говоря о тюркском мире, имел в виду больше внешний по отношению к России, а не тот тюркский мир, который является частью нашего внутреннего пространства. Если цивилизации выделять по религиозному признаку, то конечно мы полицивилизационное простран-

ство. И от того, как мы удерживаем этот мир, в том числе конфессиональный, этноконфессиональный, межконфессиональный, от этого зависит будущее в целом. И я согласен с Ларисой Викторовной. Если не изменится политика в отношении Сибири, то мы можем многое потерять. Осознавая эту проблему, мы с коллегами-барнаульцами и написали книгу «Цивилизационная миссия Сибири» [32]. Казалось бы, что мы очень нескромно обозначили роль Сибири, но это боль тех, кто сибиряк, не только тех, кто здесь живет, но и тех, кто имеет представление о возможной перспективе развития. И надо продолжать использовать эти понятия, не заменяя его понятием «Азиатская Россия». Понимаете, Арктика есть не только у России, Восток, Дальний Восток тоже есть не только у России, а вот Сибири нет ни у кого, кроме России. Есть глобальный тренд и почему мы отказались от него на официальном уровне, мне это не понятно. Боятся сепаратизма, но так веди нормальную политику, выстраивай нормальные отношения между центром и перифериями, дай возможность регионам развиваться и тогда никакого сепаратизма не будет. В. И. Бойко, будучи еще моим научным руководителем по кандидатской диссертации, говорил, и я вслед за ним всегда повторяю, что знаменитое выражение М. В. Ломоносова «Российское могущество будет прирастать Сибирью и Ледовитым океаном» надо переформулировать иначе: «Россия будет прирастать могуществом Сибири». Вот когда Сибирь будет могущественная, тогда и Россия сохранит свое цивилизационное лицо и свое цивилизационное будущее. Это то, о чем Лариса Викторовна сказала. Я очень рад, что были постоянные участники нашего семинара, нашей школы молодых этносоциологов. Лариса Викторовна была одним из главных организаторов Второй школы молодых этносоциологов в Хакасии. Нам надо еще озадачиться поиском спонсоров для проведения офлайн-встреч, так как мы обсуждаем актуальные, не только нас тревожащие темы, они касаются всей нашей страны. Мы не умеем спонсоров искать, может быть коллеги из других городов поделятся своим опытом. Давайте объединять усилия. Спасибо всем! С наступающим Новым годом! И да здравствует 100-летие Союза Советских Социалистических Республик!

Изгарская А. А. Коллеги, позволю себе вам напомнить, 28 января у нас будет вебинар на тему «Кросс-культурные исследования и проблемы перевода», мы его будем проводить совместно с кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета имени В. И. Ульянова-Ленина «ЛЭТИ» и Московским обществом психоаналитиков. К февралю готовим вебинар «Философия образования в современном мире», его проводим совместно с научно-исследовательской лабораторией «Глобальное образование» Сибирского института управления РАНХиГС, с Оксаной Александровной Береговой.

Уважаемые коллеги, поздравляю вас с наступающими новогодними праздниками! До новых встреч в 2023 году!

Благодарность: Авторы благодарят аспирантов и студентов НГПУ Н. Е. Лукьянова, Е. А. Гордейчик, И. Ф. Литошенко, А. Б. Дворкина, Н. В. Шарифуллину, А. Ю. Чуглаеву за запись и обработку аудиозаписи вебинара.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2004. – 600 с.
2. **Бабаев К. В.** Глобальный цивилизационный конфликт XXI в. и роль России // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 6 (75). – С. 36–47.
3. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. и комм. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
4. **Дэкунь Х., Хунцюн Ч., Уржумцев Н. Н.** Историческое значение антияпонской войны китайского народа в мировой антифашистской войне / пер. с кит. Чжу Хунцюн; ред. Н. Н. Уржумцев. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2021. – 504 с.
5. **Зорин В. Ю., Орешин С. А.** Государственная национальная политика Российской Федерации на современном этапе // Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России / сост. Г. В. Бурова, Л. Д. Чанглян, С. А. Орешин. – М.: ГБУ «МДН», 2019. – С. 21–29. – URL: https://mdn.ru/download/Knigi/sbornik_gocpolitika_2019.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
6. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.
7. Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Барнаул, 23–24 июня 2022 г.) / отв. ред. М. А. Широкова, А. В. Иванов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. – 273 с.
8. **Ерохина Е. А.** Сибирский вектор внутренней геополитики России. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2012. – 418 с.
9. **Ерохина Е. А.** «Поворот на Восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 13–25.
10. **Крюков В. А., Суслов Н. И., Ягольницер М. А.** Об основах развития экономики Азиатской России // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2022. – Т. 51, № 1. – С. 21–140.
11. **Лексин В. Н.** Судьбы цивилизаций и русский вопрос. Опыт системной диагностики. – М.: Леманд, 2021. – 800 с.
12. **Мадюкова С. А., Попков Ю. В.** Феномен социокультурного неотрадиционализма. – СПб.: Алетейя, 2011. – 132 с.
13. Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. – Новосибирск: Автограф, 2014. – 351 с.
14. **Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.** Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. – Новосибирск: НГТУ, 2020. – 256 с.
15. **Попков Ю. В.** Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.19 (дата обращения: 20.01.2022).
16. **Попков Ю. В., Костюк В. Г.** Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. – 2022. – № 11. – С. 15–23.
17. **Попков Ю. В., Костюк В. Г., Персидская О. А.** Новосибирская научная этносоциологическая школа. – Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022. – 50 с. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49412352_49440591.pdf (дата обращения: 20.01.2022).
18. Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.) // Respublica Literaria. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 181–208. – URL: <https://respublicaliteraria.ru/index.php/rl/article/view/177/177> (дата обращения: 20.01.2022). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.181-208.
19. Россия как цивилизация: сибирский ракурс / отв. ред. В. Г. Костюк. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. – 261 с.
20. **Савицкий П. Н.** Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 295–303.
21. **Савицкий П. Н.** Евразийская концепция русской истории // Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 123–126.

22. **Селиверстов С. В.** Евразийский мир: теория и эмпирика (в каком направлении развиваются современные евразийские исследования?) // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4208-seliverstov.html (дата обращения: 20.01.2022).
23. Социокультурные исследования постсоветского транзита России / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапина; Рос. акад. наук, Ин-т философии, Центр изучения социокультурных изменений. – М.: ИФ РАН, 2022. – 360 с.
24. **Попков Ю. В., Скалабан И. А., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Тарбастаева И. С., Вавилина Н. Д., Терентьева М. Н., Осьмук Л. А., Дерига Е. С.** Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 347 с.
25. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка. – Новосибирск: ООО Издательский дом «Манускрипт», 2013. – 272 с.
26. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век / под ред. И. Ф. Кефели. – СПб.: Петрополис, 2022. – 532 с.
27. **Тишков В. А.** Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–18.
28. **Тишков В. А.** Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2008. – 84 с.
29. **Тишков В. А.** Реквием по этносу. Исследования по социальнокультурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
30. **Тишков В. А.** Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундам. исслед. Президиума Рос. акад. наук: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – С. 318–332.
31. **Трубецкой Н. С.** Общевеэвразийский национализм // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. 9. – С. 3–14.
32. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография / под ред. А. В. Иванова. – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49735004> (дата обращения: 20.01.2022).
33. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 273 с.
34. **Ядринцев Н. М.** Сибирь как колония: в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: Изд-во И. М. Смирнова, 1882. – 752 с. – URL: <https://www.prilib.ru/item/444924> (дата обращения: 20.01.2022).

REFERENCES

1. Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics. XVI–XX centuries (eds) V. V. Alekseev, E. V. Alekseeva, K. I. Zubkov, I. V. Berezhnikov. M.: Nauka, 2004, 600 p.
2. Babaev K. V. Global civilizational conflict of the XXI century and the role of Russia. *Problems of national strategy*, 2022, no. 6 (75). pp. 36–47.
3. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance* (eds) Yu. A. Belova; ed. O. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization, 2008, 816 p.
4. Dekun H., Hongqiong Ch., Urzhumtsev N. N. *The historical significance of the anti-Japanese war of the Chinese people in the world anti-fascist war* (eds) Zhu Hongqiong; N. N. Urzhumtsev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2021, 504 p.
5. Zorin V. Yu., Oreshin S. A. State national policy of the Russian Federation at the present stage. *Implementation of state national policy: the experience of the city of Moscow and the regions of Russia* (eds) G. V. Burova, L. D. Changlian, S. A. Oreshin. M.: GBU "MDN", 2019. pp. 21–29. URL: https://mdn.ru/download/Knigi/sbornik_gocpolitika_2019.pdf (accessed: 12/15/2022).
6. *The Eurasian world: values, constants, self-organization* (ed) Yu. V. Popkov. Novosibirsk: Nonpareil, 2010, 449 p.

7. *Eurasianism: theoretical potential and practical applications: materials of the XI All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference* (Barnaul, June 23-24, 2022) (eds) M. A. Shirokova, A.V. Ivanov. Barnaul: AltSU Publishing House, 2022, 273 p.
8. Erokhina E. A. *Siberian vector of internal geopolitics of Russia*. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law SB RAS, 2012. 418 p.
9. Erokhina E. A. "Turn to the East" and trends of modern regional development: Siberian vector. *Society and Security Insights*, 2022, vol. 5, no. 3. pp. 13–25.
10. Kryukov V. A., Suslov N. I., Yagolnitzer M. A. On the fundamentals of the development of the economy of Asian Russia. *ECO. All-Russian Economic Journal*. 2022, vol. 51, no. 1. pp. 21–140.
11. Leksin V. N. *The fate of civilizations and the Russian question. Experience of system diagnostics*. M.: Lenand, 2021, 800 p.
12. Madyukova S. A., Popkov Yu. V. *The phenomenon of socio-cultural neotraditionalism*, St. Petersburg: Aleteya, 2011, 132 p.
13. *The Mongolian world: between East and West* (eds) Yu. V. Popkov, J. Amarsany, Novosibirsk: Auto-graph, 2014, 351 p.
14. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. *Ethnocultural neotraditionalism and identity in modern socio-cultural transformations*. Novosibirsk: NSTU, 2020, 256 p.
15. Popkov Yu. V. Modern Russian national policy: conceptual and target foundations and implementation experience (using the example of Tuva). *New studies of Tuva*. 2020. no. 3. pp. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.19 (accessed 01/20/2022).
16. Popkov Yu. V., Kostyuk V. G. Problems of integration of the Eurasian space and Russia's approaches to their solution. *Eurasianism: theoretical potential and practical applications*. 2022. no. 11. pp. 15–23.
17. Popkov Yu. V., Kostyuk V. G., Persidskaya O. A. *Novosibirsk scientific ethnosociological school*, Novosibirsk: IFPR SB RAS, 2022, 50 p. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49412352_49440591.pdf (access date: 01/20/2022).
18. Problems of ensuring geopolitical security of Russia: materials of the meeting of the All-Russian scientific webinar on problems of social and human sciences with international participation "Connecting spaces" (November 26, 2022). *Respublica Literaria*. 2022. vol. 3, no. 4. pp. 181–208. URL: <https://respublicaliteraria.ru/index.php/rl/article/view/177/177> (access date: 01/20/2022). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.181-208.
19. *Russia as a civilization: Siberian perspective* (ed.) V. G. Kostyuk. Novosibirsk: Sib. scientific publishing house, 2008. 261 p.
20. Savitsky P. N. Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism. Savitsky P. N. *Continent of Eurasia*. M.: Agraf, 1997, pp. 295–303.
21. Savitsky P. N. Eurasian concept of Russian history. Savitsky P. N. *Continent of Eurasia*. M.: Agraf, 1997, pp. 123–126.
22. Seliverstov S.V. The Eurasian world: theory and empirics (in what direction are modern Eurasian studies developing?). *New studies of Tuva*, 2011, no. 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4208-seliverstov.html (access date: 01/20/2022).
23. *Sociocultural studies of post-Soviet transit in Russia* (ed.) Corresponding member RAS N. I. Lapina; Ross. acad. Sciences, Institute of Philosophy, Center for the Study of Sociocultural Changes, M.: IF RAS, 2022, 360 p.
24. Popkov Yu. V., Skalaban I. A., Tyugashev E. A., Kostyuk V. G., Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Tarbastaeva I. S., Vavilina N. D., Terentyeva M. N., Osmuk L. A., Deriga E. S. *Sociocultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, methodology, practice*. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018, 347 p.
25. *Sociocultural approach to the regulation of interethnic interactions* (ed.) Yu. V. Popkova, V. G. Kostyuk, Novosibirsk: LLC Publishing House "Manuscript", 2013, 272 p.
26. *Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories*. (ed.) I. F. Kefeli, St. Petersburg: Petropolis, 2022, 532 p.
27. Tishkov V. A. Complicating diversity: how to understand and streamline it. *Cultural complexity of modern nations* (ed.) V. A. Tishkov, E. I. Filippova; Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklouho-Maclay RAS, M.: Political Encyclopedia, 2016, pp. 7–18.
28. Tishkov V. A. *Ethnic and religious diversity - the basis of stability and development of Russian society: Articles and interviews*. M.: Moscow Bureau for Human Rights; Academia, 2008, 84 p.
29. Tishkov V. A. *Requiem for Ethnicity. Research in sociocultural anthropology*. M.: Nauka, 2003. 544 p.
30. Tishkov V. A. The Russian people as a European nation and its Eurasian mission. *Ethnocultural interaction in Eurasia: Fundam Program. research Presidium of the Russian Federation acad. Sciences*:

in 2 books. Ross. acad. Sciences, Department of History and Philology. Sci. M.: Nauka, 2006. Book. 2. pp. 318–332.

31. Trubetsky N. S. Pan-Eurasian nationalism. *Eurasian Chronicle*, Paris, 1927, issue. 9, pp. 3–14.
32. *The civilizational mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development: monograph* (ed.) A. V. Ivanova, Barnaul: New format, 2022, 368 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49735004> (access date: 01/20/2022).
33. *Ethnosocial processes and ethnonational politics in the regions of Siberia* (ed.) Yu. V. Popkova. Novosibirsk: Publishing House SB RAS, 2015. 273 p.
34. Yadrintsev N. M. *Siberia as a colony: in geographical, ethnographic and historical terms*. St. Petersburg: I. M. Smirnov Publishing House, 1882, 752 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/444924> (date of access: 01/20/2022).

Информация об авторах

Ю. В. Попков, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия, yuripopkov54@mail.ru

Л. В. Анжиганова, доктор философских наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия, alv_9@mail.ru

К. К. Бегалинова, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, kalima910@mail.ru

И. Ф. Кефели, доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, geokefeli@mail.ru

А. А. Овчинников, учитель истории, средняя общеобразовательная школа 148 Купинского района, Новосибирская область, Россия, kraeved.ru@mail.ru

И. А. Пфаненштиль, доктор философских наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, ndubrovskaya@sfu-kras.ru

А. П. Сегал, кандидат философских наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, segal.alexander@gmail.com

С. И. Филиппов, кандидат философских наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, filippow07@yandex.ru

С. И. Черных, доктор философских наук, доцент, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия, 2560380@ngs.ru

А. А. Шумков, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Россия, poizen@mail.ru

А. А. Изгарская, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, aizgarskaya@gmail.com

Information about the authors

Yu. V. Popkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, yuripopkov54@mail.ru

L. V. Anzhiganova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Professor of the Department of History, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russia, alv_9@mail.ru

K. K. Begalinova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Professor of Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, kalima910@mail.ru

I. F. Kefeli, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor of the Department of Social Security of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, First Vice President Academy of Geopolitical Problems, St. Petersburg, Russia, geokefeli@mail.ru

A. A. Ovchinnikov, history teacher of the highest qualification category, secondary general education school 148, Kupinsky district, Novosibirsk Region, Russia, kraeved.ru@mail.ru

I. A. Pfanenshtil, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Professor of Department of Philosophy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ndubrovskaya@sfu-kras.ru

A. P. Segal, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Philosophy of Language and Communication, Moscow State University, Moscow, Russia, segal.alexander@gmail.com

S. I. Filippov, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director for General Affairs, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, filippow07@yandex.ru

S. I. Chernykh, Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia, 2560380@ngs.ru

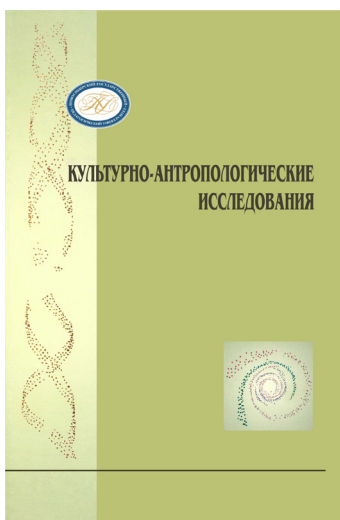
A. A. Shumkov, Doctor of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, St. Petersburg, Russia, noizen@mail.ru

A. A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, aizgarskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.06.2023 The article was submitted 12.06.2023

Одобрена после рецензирования 28.08.2023 Approved after reviewing 28.08.2023

Принята к публикации 05.09.2023 Accepted for publication 05.09.2023

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной антро-

пологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.